

Цви Найсберг

ЦУНАМИ ТОТАЛИТАРНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Цви Найсберг

Цунами тоталитарной идеологии

«Издательские решения»

Найсберг Ц. В.

Цунами тоталитарной идеологии / Ц. В. Найсберг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965992-7

Да, конечно, западная массовая культура — это всего-навсего сладкая, хотя и почти начисто лишенная всяких же витаминов, жвачка для крайне незрелых умов. Она действует довольно разлагающе, приучает к потребительскому подходу к жизни. Однако если взглянуть на вещи в несколько ином их аспекте, то вот именно самое полноценное отрицание БУКВАЛЬНО-ТО всяческих, любых свойств обыденного потребления как вполне естественного, более чем извечного фактора всецело свойственного всяческой человеческой особи...

ISBN 978-5-44-965992-7

© Найсберг Ц. В.
© Издательские решения

Цунами тоталитарной идеологии

Цви Владимирович Найсберг

© Цви Владимирович Найсберг, 2019

ISBN 978-5-4496-5992-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мои дети не смогут жить в мире без национал-социализма.

Слова, приписываемые фрау Геббельс – она их, по всей на то видимости, произнесла именно как раз уж перед смертельным отравлением всех шестерых своих детей

1

Буквально издревле повсеместно наблюдаемые, беспредельно во всех тех пустых и праздных речах вездесущие мораль, этика и культура на самом-то деле являют собой несколько вовсе не прочный, исключительно внешний скелет всякой той или иной человеческой души.

И по всей сути своей, он в чем-то немало так схож с хитиновым каркасом абсолютно всякого насекомого и в целом имеет с ним, пожалуй, истинно много незыблемо общего...

Причем речь тут, как правило, идет именно о той до чего весьма уж многозначительно нажитой со всем тем житейским опытом интеллектуальной составляющей, а вовсе-то никак не о той чувственной, что была в человека некогда именно еще вот изначально заложена столь иногда такой щедрой на выдумку матерью природой.

Однако и с той искристо, ярко чувственной составляющей всякой человеческой души тоже все вовсе-то было совсем явно так несколько не просто, поскольку человек признает за настоящих людей только лишь тех, кого он знает и любит, ну а остальных ему будет подчас намного менее жалко, чем ту же овцу или курицу.

А кроме того, ему еще и до чего легко будет внушить страшную ненависть к чужим, ну а до самых краев всецело ею переполнившись, он и станет в конечном итоге гораздо опаснее любой ядовитой змеи.

И в этом мире и сегодня есть все те, кто безумно жаждет превратить почти же бесформенные интеллектуально массы народа в до чего и впрямь послушный инструмент для скорейшего очищения матушки-земли от людей вредных и совершенно никому отныне вовсе так несколько совсем и не нужных.

Ничего тут, собственно, никак не попишешь во всем этом донельзя пока еще примитивном мире, столь безотрадно подчас преобладают тенденции к превращению живых людей в безмолвных и движимых одними социальными инстинктами строителей большого общественного муравейника.

Да и вообще, сама по себе людская натура зачастую тяготит к деспотизму одной той сильной личности над столь многими другими.

И наиболее неразрывным образом все это было связано как раз-таки с до чего глубоко подчас затаенной дикостью всех нынешних обитателей матушки-земли.

Причем она всегда имеет достаточно большие шансы вырваться наружу, если уж к тому явно и беспутно создадутся все те действительно подходящие для того «благие условия».

А впрочем, надо бы сразу оговориться, что сама как она есть существенная первопричина всей принципиальной хрупкости нашего буквально-то всеобщего глобального мироустройства

попросту более чем четко очерчена и обозначена самой что ни на есть еще изначальной общечеловеческой сутью.

2

И уж она вовсе и близко нисколько не отменяема никакими приторно светлыми выражениями той подчас совсем не в меру затейливой праздной мысли, что частенько более чем достойно встречается посреди с блеском отображенных «бумажных реалий», несомненно, столь во всем до чего только витиевато величественной художественной литературы.

Это, конечно, без тени сомнения, свойство именно того и впрямь-то незамысловато незатейливого западноевропейского праздно мыслящего (в рамках благой литературной фантазии) мироощущения.

Да только нашло оно свое более чем изощренно наглядное отображение в том числе и в русском творческом уме.

Причем именно подобного рода творчеству и свойственна яростно восторженная говорливость, возвышенная идейность, а также и общая пышность неистово бравого мышления, начисто же с силой оторванного от всего того, что хоть как-либо могло быть достойно увязано с житейскими рельсами всей той донельзя примитивной нашей нынешней обыденности.

А между тем подобные веяния явно были чреваты всевозможными благими заблуждениями, а потому по временам и сечет данное сладострастно обволакивающее все и вся мировоззрение всяческих нерадивых грешников словно тот еще меч Божий.

Причем ясное дело, что уж осуществляется все это именно при том самом столь донельзя невоздержанном и фанатичном посредстве ее наиболее яростно, беспричинно восторженных почитателей.

И это именно данная прекраснодушная мысль безудержно ласково, сияя красотой всех своих внешних ярких одежд, буквально без устали глаголет о самом неизменном величии всего того необъятно широкого вселенского добра... Сама уж при этом, как и понятно, будучи вполне ведь одухотворена разумом и плотью своих бесподобно богоподобных корифеев весьма разнообразных искусств.

А потому и создает она все те простым житейским умом нисколько не преодолимые преграды, которые, явно так поднапрягши все свои силы, еще всем нам и надобно будет когда-нибудь враз всей массой людской одолеть.

А между тем та извне исключительно слепо навязанная, а тем паче суровой силой внедренная в душу народа цивилизованность окажется одним внешним скелетом для столь всегда аморфных народных масс, что нисколько не развиты, да и стиснуты в жестких тисках всех тех подчас до сегодняшнего дня невообразимо тяжких трудностей всей нашей жизни.

И главное отличие вполне естественной морали от ее искусственного заменителя именно в том, что в нем никак не содержится главного козыря давно и впрямь-таки устоявшейся в веках буквально-то почти всеобщей общепризнанности...

Конечно, вполне возможно довольно наспех высказать мнение о ярой догматичности всей той старой морали, ее ветхозаветности, а также еще и вящей ее приверженности всяческого рода догмам и суевериям.

И все-таки она неизменно давала народу нравственную основу, да и в давно тщательно при этом выкристаллизованном и вполне во всем понятном ему виде.

А кроме того, ту новую безбожную мораль еще и старались втиснуть всей мощью чьей-то души, безусловно, делая упор именно на тупом внушении, а вовсе не на добровольном впитывании при столь явно вполне осознанном и полновесном понимании всего того из чьих-либо наставнических уст и впрямь-то на деле действительно же услышанного.

3

Ну а объясняется это, собственно говоря, проще простого!

К чему это, значит, вообще – разжевывать для серых масс почти неудобоваримые для их простецкого сознания абстрактные нравственные постулаты, раз совсем ведь ничего не стоит именно же всемогуще втиснуть в чье-либо крайне неповоротливое сознание все те самые основные понятия в виде немисливо твердых, словно сталь, убеждений?

Да еще таковых, что затем нисколько не будут подлежать суду совести и вполне естественных для всякого человека колебаний и сомнений.

Наша правда, безусловно, единственная и никакому качественному анализу она еще изначально попросту никак вовсе вот не подлежит!

А то совсем не иначе слишком много еще затем разыщется и расплодится всевозможных праздных трактователей далеко не слишком обиходных истин.

И при этом вовсе и близко не было хоть сколько-то учтено... все то последующее нагромождение последовательно и складно скроенного конгломерата лжи, да и околонуучных спекуляций, безусловно, легших в основу вероучения обо всей той наивысшей расе немецкого народа.

А ведь это именно те самые новоявленные атеистические веяния, щедро одобренные сентиментальным романтизмом, и послужили всему тому более чем весьма надежной первоисточной первоосновой.

4

Что до того и впрямь поныне столь беззастенчиво искушающего весь род людской бесноватого марксизма – вероучения, явно же преуспевшего первым до чего только плотно и намертво прирасти ко всему тому иссушающе праздному логическому пьедесталу всеобъемлющих высших истин...

Нет, с ним, без малейшей в том тени сомнения, все было исключительно так неизменно явно попроще, и одновременно с этим необходимо признать в том числе и самую безмерную запутанность и сложность всех его нечестиво лицемерных и демагогически воинственных хитросплетений.

Марксизм, как и нацизм, вполне подразумевает самое мгновенное разрешение всех жизненных неурядиц путем столь могучего толчка к той совершенно так иной и куда более достойной жизни и своевременного физического устранения всех тех, кто к этой новой жизни мог бы нам вольно или даже невольно еще помешать начать идти теми-то стройными рядами.

При этом злые недруги начисто лишались всякого высокого ранга людей – отныне они были чем-то навроде презренных насекомых, заклеянных одним броским именем, и судьба их была заранее во всем полностью предрешена.

Буквально всех их до чего незамедлительно требовалось под самый корень разом извести, ну а тогда и наступит то совершенно немисливо долгожданное и всеобъемлющее людское счастье.

Причем сама доступность весьма уж деятельного осуществления всех тех дешевых спекуляций высокими и светлыми мечтаниями многомиллионного людского социума была явно так во всем до конца обусловлена именно тем столь новомодным и новоявленным устремлением к свету высших ярчайших истин.

Уж тех ведь самых, что где-то разве что еще едва-едва обозначились на некоем пока еще до чего только отдаленном горизонте грядущего общественного развития и впрямь-таки всеобщего некогда благого бытия.

Истинно благодатный к ним путь должен был быть во всем исключительно так глубокомысленно медлителен и крайне неспешен, а то если, чего доброго, безудержно понестись

к чему-либо подобному и впрямь сломя голову, совсем не разбирая при этом ни пути, ни дороги...

Нет, именно при данных немисливо гибельных обстоятельствах оно и окажется всего-то ведь ближе к глубочайшей бездне более чем немисливо необъятного общественного зла.

Да еще и в мире начисто отныне выпотрошенном, да и сколь безумно совершенно неестественно вывернутом, фактически на самую его внутреннюю изнанку.

То есть далее он предстанет пред чьими-либо либеральными очами именно еще таковым, где и в помине совсем не останется более ничего, кроме вполне явно уж оболваненного лживым светом еще так изначально двуличного сурового невежества.

Причем самое надежное приготовление ко всему тому разве что лишь грядущему, единственно что во всем отныне ласково и безмятежно смертоносно правому его правлению было более чем последовательно инспирировано именно тем еще путем вполне так однозначного создания мощнейшей бури в необъятно широком, словно море, общественном сознании.

Ее ожидали, словно манны небесной, а между тем на деле она совсем вот вовсе не более, нежели град и молнии, яростно и прискорбно уничтожающие посевы всего того лишь некогда грядущего нового.

5

Да и вообще всякая социальная мораль, как фактор, беспардонно навязываемый всему этому нашему нынешнему миру, уж однозначно так несет в себе одни лишь томные чары скорейшего достижения более чем элементарной и беспардонно до чего всеобъемлюще нелепой буквально-таки истощно вопиющей к самой себе справедливости.

А между тем и самое благородное сокрушение всего того давно устоявшегося неминуемо еще приведет к хаосу, а также обыденно и повсеместно оно столь непременно породит все условия для той крайне и впрямь невзрачной четвероногой первобытности...

Однако этого и близко никак нисколько не замечают все те, кто мыслит абстрактно верно выверенными теориями и практикует или только лишь всецело приветствует кровавый террор, более чем наглядно осуществляемый именно во имя консолидации всего того довольно пока еще весьма ведь до чего неизменно весьма противоречивого общественного организма.

Им в этом деле крайне уж во всем беспечно помогает их донельзя односторонний агностический подход ко всей вселенной, что безо всяческих сомнений, наскоро размывает ту невидимую глазу границу, где и проходит разграничение между личностью и всем остальным людским обществом в целом.

Причем на общество возлагаются абстрактные надежды, и к нему предъявляются самые бесцеремонно НАСУЩНЫЕ требования, как будто каждый из его членов также (неизвестно откуда) и приобрел себе искрящееся светлой мыслью духовное устремление по мере сил воздействовать бы на всю окружающую его жизнь путем весьма последовательного соучастия в судьбах всего мира сего.

Да еще и никак не иначе, а именно посредством пошагового развития внутри своего «я» более чем во всем бескрайне различных аспектов культуры и вполне полноценного образования.

6

Полнейшее между тем отсутствие у столь многих людей каких-либо подобных черт начисто ведь сходу приторно ласково, догматически самозабвенно более чем незамедлительно отрицается.

Ну а кроме того, кому-либо явно так кажется, что людей надо бы именно что до чего только смело еще принудить ко всему тому крайне необходимому им самоусовершенствованию, а потому и станут они вследствие всего этого значительно лучше, выше и чище...

Насилие и всеобщая строгость – это именно те факторы, что действительно смогут в глазах некоторых столь явно и наглядно переменить всю структуру далеко еще пока никак не лучших человеческих взаимоотношений...

По большей части, именно благодаря этому принципу все те столь многослойные и многозначительные моральные постулаты и впрямь до чего беспредельно суровы во всех своих весьма красноречивых демаршах их, чего там греха таить, вовсе не по-людски «непреклонных» блюстителей.

7

Причем то, что тут как раз наиболее истинно главное – так это разве что, то, что все эти бесчисленные колкие сентенции подчас даже и невольно создают глубокие проникающие ранения в душах у тех, кому попросту не было то вполне вот по-свойски вкратце более чем доходчиво разъяснено...

А именно уж, собственно, то, что все эти благочестивые мысли, а также вдобавок еще и громогласно воинственные яростные порицания, есть одно лишь сколь так безотрадное следствие своей собственной глубоко затаенной непорядочности и порочности.

Ну а от всех тех, кто действительно искренне светел и душевно чист, никаких порицаний у кого-либо за спиной вовсе так никогда и близко вот не услышишь.

Раз подобный человек буквально все моральные претензии, сурово обращенные супротив кого бы то ни было, на едином дыхании сходу на самого себя сразу так переводит, а потому, как только он начинает говорить о чем-либо в каком-либо человеке совершенно вовсе не беспорочном...

То уж совершенно незамедлительно все слова у него в груди попросту разом застревать начинают, и все это из-за тех прямо к горлу прихлынувших чувств, а если он ко всему прочему еще и пожилой человек, то и за сердце он запросто рукой ухватиться действительно может...

А главное – ничего, кроме «Да чтоб я...» он вряд ли что из самого себя на едином дыхании и вправду так выдать почти вот бессильно сумеет.

Зато сколь многие большие моралисты (всегда за некий явно чужой счет) соловьиные трели самозабвенно подчас издают, распиная при этом на кресте всеобщего общественного порицания чьи-то с одного разве что виду чудовищные недостатки.

8

И именно в этаким сурово обличительном духе и вешают же лапшу на уши всяческим легковесным, а кроме того и совсем ведь не в меру вспылчивым, людям.

Достойные представители цивилизованного общества никогда уж вовсе не станут всего этого делать с тем восторженно упоенным и, кстати, абсолютно самодовольным видом, с которым буквально так всегда и произносятся слова, несущие в себе сущую гнусь, кем-то столь сурово обращенные в указующий и карающий перст...

И вот когда нечто подобное более чем безапелляционно заявляется о чем-либо и впрямь столь необъятно исторически большим, то тогда и жди конца света... всей той сегодняшней цивилизованной культуры, да и, кстати, самого что ни на есть обыденного житейского разума.

9

Человек – он вообще уж, собственно, пока всем умом своим выше животного уровня толком никак еще не поднялся, зато в амбициях своих он столь непременно жаждет стать доподлинным крестным отцом всего того пока вполне ведь самостоятельно вокруг него существующего (в его-то глазах) до чего крайне и впрямь неказистого мироздания.

И хотя иногда в чьем-либо безразмерно лучезарном сознании и возникают порой все те с живым мясом вывороченные из всей той непримиримо скотской суровой обыденности столь всесторонне восторженные воззрения...

Однако до чего нередко они разве что лишь являют собой сущее нигилистическое отрицание всего того давно во все стороны исхоженного и никак уж никогда ни в чем нисколько так совсем не прежнего исторического опыта.

10

Да к тому же и появляются все эти призраки более чем наглядно уж идейно лучшего бытия на свет Божий именно из всех тех бесподобно талантливо надуманных образов всевозможных украшателей жизни... более чем бессовестно подъядающихся на столь благодатной ниве всевозможной и всяческой художественной литературы.

Причем далеко не все ее знаменитые авторы – непорочно великие люди, все свои силы кладущие на алтарь литературы, дабы создать для всех нас всевозможные духовные блага.

Творцы достойной прочтения художественной литературы в своей невероятно разнородной сущности вовсе не однородны, и их житейский характер был до чего только непосредственно связан именно с тем веком и средой, в которой они столь непосредственно некогда, собственно, жили.

И, кстати, вот еще что: большие писатели никак уж вовсе совсем не глядят столь праздно на жизнь через большие и нелепые розовые очки...

И то вне всяких сомнений совсем не обязательно, чтобы это именно они и создавали для какого-либо более чем конкретного индивидуума тот самый донельзя ирреальный облик всего того совершенно так помимо всяческих наших ощущений миллиарды лет просуществовавшего мироздания.

Ну а то вовсе-то никак не в меру суетливо восторженное видение всей той исключительно же повседневно нас окружающей действительности подчас явно затмевает до чего непроглядную картину обыденно и беспросветно мещанского мирского существования.

Причем для создания подобного эффекта, наверное, еще окажется и того, в принципе, более чем вполне достаточно...

Ясное дело, что хватит и того, чтобы всякий тот, кто всецело будет более чем безнадежно так ориентирован именно на ту внешне и впрямь завораживающую западноевропейскую культуру, до чего только пристально вот смотрел на любые художественные книги разве что лишь ее близорукими и кривоокими глазами...

Уж слишком яркие и вычурны многие из созданных ей образов, а главное – все эти довольно-то наспех нелепо обрисованные книжные существа имеют подчас столь надежно для них самим автором произведения заранее вот крепко-накрепко закрепленные свойства души и характера!

Они, к тому же, как правило, всецело отдалены от всяческой нашей неистово вездесущей и до чего немыслимо изощренно корыстной действительности.

11

Причем, конечно, всегда ведь есть явная опасность довольно-таки хлипких логических обобщений, однако то вовсе не главная беда.

Самое ужасное, может быть, заключено именно в общей переоценке ценностей, без тени сомнения постепенно возникающей после всего прочитанного в душах у тех, кто крайне наивно о том полагает, что западные философы и писатели и впрямь-таки бесконечно проникнуты всем тем, что они порой искрометно чувственно вкладывают во все свои книги.

А между тем они иногда до чего только ярко горят самым неумным энтузиазмом наиболее полноценным образом отобразить вездесущие и всеобъемлющие чувства, довлеющие над

обществом в тот самый столь неизменно короткий временный промежуток их зачастую вовсе не безбедного бренного существования.

И все дело тут было именно в том, что в жизни Запада книги играют довольно-таки прикладную, развлекательную и вовсе не столь важную воспитательную роль.

Уж как это зачастую происходит в жизни всего российского общества, где книги заполняют собой все или почти все духовное пространство в сознании культурных и духовно развитых людей.

12

И в этом, кстати, вполне так наглядно проглядывает то самое исключительно более достойное будущее, да и истово же реальное, а не то во всем до чего безнадежно призрачно светлое и совершенно так вовсе нисколько несбыточное, переспело празднично книжное бытие...

И именно в том далеком грядущем, которое можно будет вылепить разве что из всякой довольно-таки с виду более чем непотребной житейской грязи, и впрямь же окажется куда поболее места для всего того высокого и возвышенного, чем оно ныне-то есть в это наше совсем так исключительно непростое сегодняшнее время.

Ну а сама как она есть безнадежно бесплодная, как и более чем бессмысленная, попытка вживлять в живую жизнь те немыслимо высокие книжные принципы попросту абсолютно безнадежно нелепа...

Многие люди слишком еще примитивны для осуществления на житейской практике всех тех совершенно незатейливых начинаний, что были выверены на белой бумаге одними теми довольно неясными абстрактно-серыми контурами.

А между тем сама жизнь неизменно потребует к себе именно трехмерного подхода и массовости в устремлении к чему-либо лучшему всеми силами попросту никак, ну никак не приемлет.

Массам повсеместно был нужен один лишь хлеб насущный, светлые идеи их абсолютно не интересуют, поскольку им никогда их не переварить и вовсе-то внутри самих себя не усвоить.

Хотя вполне еще может оказаться и в корне неверным, как и исключительно несправедливым, столь бездумно приобщать к канве буквально-то безбрежного людского существования тех из людей, которые если ее и не выше, то уж по крайней мере во всем явно всецело разностороннее, да и более чем наглядно разумнее...

И все-таки истинной, не пропитанной моралистическими бреднями совести то вот никому и никогда нисколько не прибавляет, а иногда еще и вынет оно из груди всякую человечность во имя всевозможных светлых «благих нововведений».

13

В то время как душой человека во всем примитивного вполне полноправно заправляют всяческие темные инстинкты, однако они столь нередко светлее «святых» заблуждений поневоле, вползающих в душу человека, почти же насильственно одаренного мертворожденной мыслью, а в связи с тем и блуждающего в сущих потемках где-то им явно неловко посеянного житейского ума.

А в особенности все это находит свое более чем полноценное отражение именно тогда, когда он безумно смело начинает самозабвенно рыскать в трясине идей и начинаний великого, однако явно совсем не в меру чересчур самовозвысившегося, интеллекта.

Ну а основное «разумное» население земного шара безнадежно аморфно, а потому и никому не удастся разом вылепить из него ничего путного и впрямь-таки безотлагательно годного для создания той самой донельзя так пресловутой великой эры милосердия.

Нет, то уж скорее грандиозная сверхзадача немислимо долгих грядущих тысячелетий постепенного и неспешного пути вверх, причем безо всяких нелепых скачков и всполохов еще изначально безжизненно утопических мировоззрений.

14

Конечно, кому-то и сегодня без тени сомнения явно кажется, что, мол, для подобных более чем окончательных выводов пока вовсе нет, да и не могло быть, собственно, собрано вполне так предостаточно данных.

Надо, мол, разве что всего-то еще разок-другой весьма основательно испробовать применить ко всей общественной жизни вящие постулаты точно тех же идей, однако в некоем довольно-таки ином их ракурсе (непременно учтя ошибки темного прошлого).

И вот тогда авось и вправду чего-либо путное из всего этого на деле когда-нибудь непременно же все-таки выйдет...

Зодчих, водящих пальцем по небу грядущего вселенского счастья, вовсе-то никогда нисколько не волновали, да и до сих пор совершенно не озадачивают... все те человеческие жертвы, принесенные на алтарь безумной страсти к тем искрометно стремительным и чрезвычайно скоропалительным переменам.

А между тем бездумно играя с человеческой природой в сущую чехарду идей, можно, в принципе, и в один кювет всем этим миром, недолго думая, с проторенного пути на долгие века крайне уж беспечно съехать...

15

Однако отчего это автор вообще ведь решил, что средний представитель человечества пока еще в каком-либо умственном плане абсолютно безлико безмолвен?

А потому и нуждается он вовсе не в поводке, резво тянущем его в некое светлое и доброе будущее, а куда вернее – в стальном наморднике, суровой силой надетом на всю ту и по сей день в нем вдоволь имеющуюся самую первозданную дикость?

Ну так для подобного рода умозаключений сам уж подход необходим исключительно вот обиходный, дабы была возможность до самого конца более чем разумно взвесить все то, что имеет хоть какое-либо прямое касательство ко всей той донельзя унылой пасторальной действительности.

Поскольку надо бы всегда опираться вовсе не на те изрядно весомые тома всяческих отвлеченных философских сочинений.

Нет, действительно принимать во внимание надлежит разве что те самые конкретные беспристрастные данные из сущего разряда тех, что были столь кропотливо подобраны руками современной социологии, да и психологии в придачу, о некоем, надо сказать, всецело вот среднестатистическом индивидууме.

Заодно для данной цели потребуются и весьма точные определения, дабы нисколько не ошибиться при взвешивании всего того, что в человека было именно так более чем здравомысленно заложено всем тем весьма основательно взвешивающим все свои педагогические шаги, предельно во всем ответственным за свой труд воспитанием.

НУ А ТАКЖЕ еще, несомненно, важно, что вот именно еще уж было приобретено человеком в дар от природы... той самой, что извечно мудра – это лишь мы пока не в меру самонадеянны и слепо амбициозны.

16

Однако вылепила она человека доподлинным образцом животного мира, а посему в среднем каждый отдельный индивидуум столь во многом пока тот еще скот, и это одни лишь

строгие ограничения всего ныне существующего социума всенепременно помешают ему вновь вполне проявить все свое «я» в его никем и ничем не приукрашенном обликии.

Разумеется, что подобные слова могут кому-либо показаться очень же скверными и буквально ведь очерняющими весь без остатка человеческий род.

Да только чего тут попишешь, раз именно таковы во всем своем абсолютном большинстве столь, несомненно, многие из числа рядовых представителей нашего подвида обезьян?

Флагман мировой фантастики Роберт Хайнлайн в своем романе «Чужак в чужом краю» пишет об этом так:

«Сами обезьяны ей не понравились – уж очень они были похожи на людей. У Джилл не осталось ханжества, она научилась находить прекрасное в самых прозаических вещах. Ее не смущало, что обезьяны спариваются и испражняются у всех на глазах. Они не виноваты: их выставили на всеобщее обозрение. Дело в другом: каждое движение, каждая ужимка, каждый испуганный и озабоченный взгляд напоминали ей о том, чего она не любила в своем племени».

И ведь именно в этом и была заключена самая доподлинная житейская правда!

Никаких примесей самодовольства знаменитого автора в ней нет, да и быть ее на деле вовсе уж нисколько совершенно не может, а главное, что известна она, в принципе, всякому тому, кто над всем этим и впрямь с умом хоть сколько-то всерьез когда-либо еще призадумывался.

17

А из всего этого само собой проистекает тот весьма непрошенный, однако более чем, в принципе, закономерный, вывод о самой еще явной необходимости чрезвычайно медленного эволюционирования, безо всяких неистовых скачков, вертикально так сразу бездумно вверх...

И уж будет сей неблизкий путь явно свербеть в глазу всей своей донельзя неумелой и незрелой неосознанностью, а также и примитивной, истинно черепашьей неспешностью, зато совсем не иначе, а окажется, он почти что бескровен и в конечном своем итоге полностью верен.

Вот и веди нас, река житейски верно выверенных знаний, к сущему осознанию самой необъятной безбрежности глупости всех тех страдальцев за всеобщее благосостояние, что тиснились создать свое новое, навсегда отринув всякий прежний, надежно апробированный седым временем опыт всего того былого и прошлого...

А ведь обезьянье царство – это именно то, что вообще возможно будет себе вообразить, а затем и создать, спешно воплотив в жизнь теоретические выкладки, устремляющие безгласные массы именно силой в светлое, никому заранее доселе нисколько не ведомое грядущее.

Да еще и бесследно истребив во всем этом мире то давно будто бы ныне прошедшее, раз в нем самом и был заложен корень всех наших былых горестей и печалей.

18

А между тем буквально всякое искристо светлое будущее всенепременно состоит из всего того более чем в принципе успешно прожитого прошлого, а вовсе не из тех чисто надуманных идей куда явно так более праведного переустройства всей той до чего только немыслимо сложной общественной кухни.

Поскольку это точно явно так совсем вот исключительно незамысловато ее превращает в никем давно прилично не мытую общественную уборную.

И совсем уж не стоит ради чего-либо подобного возвышенного и светлого на одной лишь бесцветной белой бумаге и впрямь-таки в низком реверансе расшаркиваться, тщась достичь мнимых небес, а тем паче с лихого наскоку, без единой здоровой мысли, но зато до чего вот не бывало немыслимо радостно...

Некоторым и вправду более чем беспричинно слезливо охота, живя во тьме диких, всегда более чем неизменных времен, столь спешно и нервозно переустраивать именно внутри своего сознания все то крайне несправедливо обустроенное общество по каким-либо безумно обнадеживающе радостным, вполне же наглядно, что ни говори, внешне справедливым стандартам.

19

А между тем для подлинных и качественных изменений во всем исподнем человеческом естестве надо было стремиться пролить свет во тьму юных душ, а не сыпать цитатами на головы простых, ничего ни о чем вовсе ведь несведущих граждан.

Мозг слепой и самодостаточной толпы можно просветить одними лишь пулями в каждый отдельно взятый конкретный затылок, ну а более так и ничем.

Лучшего будущего можно достичь, разве что вполне разумно в него устремившись всем тем трепетно бьющимся сердцем.

Ну а чисто умозрительно его создавая, явно еще сформируешь благодатную почву для первобытного рая, в котором все наслоения цивилизации и культуры будут вскоре начисто стерты попросту ведь в труху.

Ну а дабы за долгие тысячелетия праведно и насущно воплотить в жизнь социума коренные изменения во всей общечеловеческой психологии, в пример стоило бы брать не неких отдельных выдающихся личностей или даже тех, кто хоть в чем-либо возвышается над всей той бесформенной массой простых обывателей.

Нет, за основу тут явно требовалось брать того самого обыденного, серого человека.

Причем делать нечто подобное надо было, исключительно так тщательно выверяя буквально каждый свой шаг, а уж в особенности без каких-либо немыслимо резких рывков.

Поскольку где это в каком-либо простом человеке вообще еще будет возможно вполне явно так эффективно сыскать что-либо хоть сколько-то подобное тому, что окажется, собственно, мыслимым взять, да и в одночасье переменить к чему-либо самому исключительно наилучшему?

Ну, а того, кто и сам безо всякой сторонней подсказки умеет мыслить разумно и здраво, беззастенчиво направлять к чему-либо суровым насилием явно еще окажется вредно буквально для всех и каждого в отдельности.

20

Человеку вообще принципиально житейски свойственно попросту отторгать от себя все то, что явилось к нему неожиданно-негаданно непрошеным гостем, откуда-то более чем наглядно совершенно извне.

А потому облагородить и приосанить его при помощи некоего крайне неуклюжего внешнего воздействия ни для кого не окажется хоть сколько-то сходу под силу...

Этим разве что бесцельно и бесцеремонно нарушишь все его самые обыденные и незыблемые человеческие права, а тем еще всенепременно посеешь семена рабства, а вовсе не новоявленной величавой свободы.

Да только где это было понять всем тем, кто мыслил и мыслит одними теми бездонно светлыми чувствами и именно с ними столь изысканно обращается, словно бы они и впрямь истое мерило разума во плоти?

И это именно они всех нас смело зовут к одному лишь тому всенепременному разрушению, поскольку до чего-либо действительно созидательного очень многие из нас явно пока еще нисколько не доросли. Причем это никоим образом не связано с чьим-либо образованием, а уж тем паче еще и с умением умиленно внимать всеми фибрами души самому так всевозможному возвышенному искусству...

21

Желание что-либо этакое невообразимо новое в единый миг разом сварганить из старого, вконец прохудившегося общественного котла более чем непосредственно проистекает не от некоей обостренной жажды общественной справедливости, а от истинной склонности к дикости и лютости, до чего наскоро поверхностно преображенным в орудие аморфного, праздно мыслящего ДОБРА.

Именно в этом и был заключен весь тот до чего печальный парадокс эпохи вездесущего идеологического просвещения!

Чрезмерно замечтавшиеся умы, поймавшие за лисий хвост светлую мечту об изумительно ярких днях грядущего вселенского счастья, вполне так всерьез вознамерились изменить весь этот мир к чему-либо сказочно и несусветно изумительно лучшему...

Да только при этом столь явно проникнувшись святой обязанностью яростно подвергать изничтожению в нем все те корни именно того, что даже подчас и случайно мешало беззаветно и истово верить, а вовсе не того, что извечно портило кровь, никому никак не давая жить по-людски.

22

А между тем всякое старое зло еще более чем целенаправленно сумеет вскоре так само себя более чем неминуемо в конец концов вполне вот торжествующе возродить: скажем, ранее то был царского времени циркуляр, ну а теперь, в стране «победивших все прежнее» пролетариев, он столь нагло прозовется куда разве что только поболее всесильной большевистской резолюцией.

И это при том, что сама суть дела всегда ведь останется неизменно именно прежней.

Ну а бездушный бюрократический аппарат еще и окрепнет, поскольку свежеиспеченным «тавтологическим обоснованием всей этой новой власти» довольно вскоре уж станет именно так беспощинная торговля светлыми мечтами, а этот лежалый товар, без сомнения, потребует значительно большей волокиты перед любым даже и самым мало-мальским исполнением буквально-то любых самых так насущных дел.

Вот как оно, собственно, некогда оказалось в том самом государстве, что совершенно так наспех было скроено полузадушенными в чьих-либо грязных душонках рабами, которые, кстати, вскоре так вновь обрели прежнюю силу, дабы в виде новоявленных холопов-господ обратить всех живых в один бессловесный человеческий скот.

Ну а всем тем наиболее «наилучшим» его представителям было и впрямь-таки свойственно даже и под ножом беззаветно славословить отца и учителя всего того более чем наглядно ведь «чудного» новоявленного бытия.

Причем это именно он безо всякой в том тени сомнения и породил всю эту серую братию, крепко-накрепко скованную одним лишь скверным душком леденящего все их нутро нисколько так не человеческого, а истого звериного страха.

23

А началось уж все – это именно с того, что чьи-то радужные мечты кровавыми строками, затем столь выпукло вписанные в историю всех без исключения народов России во всем дальнейшем более чем однозначно превратились в блестящую шелуху распрекрасных слов, расходящихся с делами в самые подчас противоположные стороны.

И главное все – это было организовано вовсе не для убийства и смерти, а именно во имя праздника жизни всех тех, кто мыслил себя вполне вправе верховодить всею толпой своих, отныне вовсе безликих сограждан, начисто уж лишенных всякого своего бывшего гражданства, зато столь наспех получивших право на безысходность серого беспросветно тягостного бытия.

24

Причем в досталь кое-кому до тех бесславных времен безмерно приевшиеся сущие серость и скука – всего-то лишь производные обычного тихо дремлющего прозябания.

И вот сменить его на яркую усладу извечной борьбы было бы возможно, разве что лишь до чего временно разорвав путы, сдерживающие обывателя в рамках строгого соблюдения всех уж тех социальных и уголовных законов.

А соответственно сему, вытеснить серость и скуку неизбежно само собой означало породить вездесущую темень, да и промозгло скабрзную комиссарскую ложь.

И кстати, серость, по всей ее сути, вовсе не есть самое так естественное преломление чьих-либо столь низменных человеческих качеств, а прежде-то всего являет она собой более чем наглядную канву во всем незатейливо суетливого существования, в котором очень мало творческого, зато немыслимо в ней действительно много истинно житейского и неприметно серого.

25

Ну а когда на землю нисходит красная мгла революции, серыми оказываются буквально-то все, а тот, кто не становится таковым и сердцем своим никак не принадлежит к той главной все нынче на раз безудержно буйно решающей силе, изничтожается или низводится до самого откровенно неприметного уровня.

И той и впрямь-таки одной-единственной для него возможностью от всего этого бедлама еще уберечься, дабы честь и жизнь свою спасти... мог бы оказаться один лишь тот до чего и впрямь поспешный отъезд из всего этого полуночного кошмара, и как можно уж непременно за самые дальние дали.

Причем довольно многие из людей интеллектуального труда тогда именно это довольно же быстро и сделали – скрылись они совсем вот неведомо куда за моря и бескрайней синей глади океаны.

Ну а хоть сколько-то иной альтернативой могла еще оказаться именно та крайне и впрямь насущная надобность надеть на себя маску извечной вездесущей серости, что со временем обязательно станет самой неотъемлемой частью и впрямь-то повседневного чьего-либо духовного облика.

То, что сохранится где-либо глубоко внутри, отныне предстанет разве что в виде одной лишь отдушины в мире бесконечно отныне бескрайне сером, да и до чего неизменно во всем отвратно никчемном...

Выглядывая оттуда разве что рядом с точно такими же его полноценными носителями... в точности тех совершенно несметных духовных благ.

26

Серость и неприметность в ночи есть наилучшая защита от всех тех двуногих, самых что ни на есть опасных во всем этом мире полуразумных животных-хищников.

Разумеется, что движение истории ведет нас строго вперед и у прошлого зла вовсе нет никакого будущего в том-то его старом издревле давно укоренившемся облике.

Однако он у него непременно всегда еще разом отыщется свежий и новый, призрачно светлый, да и до чего изумительно беззастенчиво праздничный.

И этак-то оно явно не на веки вечные, и сегодняшнее положение вещей – нисколько не что-то абсолютно незыблемое, как, впрочем, и тот ведь каменный век с его давно всеми нами почти уж раз и навсегда позабытым бытом.

Да только пройдет не иначе как не одно это нынешнее тысячелетие – срок довольно-то малый в общих масштабах действительно необходимых для посильного и пошагового усо-

вершенствования всего общего потока сознания у того ни о чем ведь высоком и близко пока не рассуждающего, изрядно так всегдашне приземленного думами среднего человека.

Нет, до чего только безбрежно много воды еще утечет до тех самых пор, пока не сольются в единое целое мечты сегодняшних идеалистов и повседневная реальность наших явно до чего только невероятно отдаленных потомков.

27

Хотя вполне уж возможно, что будущими жителями нашей благодатной планеты столь непременно окажутся совсем ведь иные, куда и впрямь поболее нас разумные существа, которые, кстати, наверное, куда только более рачительнее отнесутся ко всем тем нисколько не задарма им доставшимся (разве что кажушимся несметными) богатствам природы...

И то, что и вправду наиболее на наш сегодняшний день исключительно важно, так это вот будут ли грядущие обитатели земли хоть сколько-то сродни нам или окажутся они по всему своему облику и подобию абсолютно уж непременно, значит, иными?

Но то еще столь однозначно покажет одно лишь то медленно в вечность текущее время.

Но ему, как и понятно, суждено течь всегда, ну а мы почти все скоростижно умираем, не прожив на этой земле даже и века.

Однако то будет совсем вовсе не лучший выбор – буквально ведь наспех воспользоваться всеми теми и впрямь-то вдоволь на данный день имеющимися ресурсами именно в наше сегодняшнее благо за самый уж явный последующий счет нисколько вот не светлого грядущего всех тех когда-нибудь явно еще безмерно бедствующих поколений.

И то столь, несомненно, будет разумно разве что с точки зрения благодушно потребительно обо всем одинаково мыслящей амебы, а вовсе не для того действительно зрелого умом и годами здравомыслящего человека.

28

И когда яркий свет тех далеких звезд, что отдалены от нас на многие сотни световых лет (в нашей галактике), излученный ими в данный момент времени, доберется до наших палестин – дети матери-земли, пожалуй, окажутся несколько иными, или их тогда попросту не останется здесь совсем.

Вот это мы и вправду без тени сомнения действительно со временем сдюжим!

А впрочем, лютую смерть всему живому на этой земле вполне так способен в одночасье принести именно тот смертельно опасный «яд технически чрезмерно переразвитого воображения».

Это именно он и распространяет по жилам живой природы тот чудовищно разрушительный код, чего-то при этом самому себе восторженно вереща о столь могучем всесилиии грозного разума в свете безмерно важных научных достижений, совершенно рассевающих пред собой мглу нашего всеобщего мглистого и приземленного невежества.

Этот «вирус слепой и самодостаточной мудрости» до чего частенько выявляет себя в неких призрачных бликах сияния и впрямь-то отражающегося зайчиком в чем-либо крайне сумбурном животном естестве.

Ну а оно, как правило, буквально-таки переполнено скотским страхом за всю свою душевную сущность в преддверии вечного атеистического небытия.

29

То, что продолжение явно грядет и если не для нас, то для всех других, как и мы, грядущих людей, в мыслях законченных эгоистов, пожалуй, занимает самое незначительное, исключительно же крохотное место.

Они, несомненно, живут с тяжким предощущением собственного грядущего конца, а потому им и надо было беззастенчиво и до чего только незамедлительно переделывать буквально весь этот подлунный мир, дабы максимально прочно оставить о себе в нем память на все те некогда разве что лишь грядущие последующие тысячелетия...

Ночное небо согревает их томные сердца сладостными мыслями о том, что будучи уж почти ведь таковым, оно некогда навевало думы и создавало сладостные грезы в душах многих и многих поколений тех еще древних греков и римлян.

Однако поэт Маяковский был нисколько не прав: вовсе не для нас сегодня зажигаются далекие звезды, а куда вернее – для тех, кто будет жить через многие сотни лет после нашего и впрямь-таки чрезвычайно бурного катастрофическими событиями века.

Ну а будет ли там кто-нибудь жить или нет, то непременно еще окажется всецело зависимым именно от нашей сегодняшней виришь необъятно разве что еще лишь только расширяющейся необузданной тупости, а впрочем, и от того самого всеильно безответственного невежества всякого того разного рода представителей нашего сегодняшнего научного мира.

30

Да нет уж, мы все очень так ныне сегодня невероятно умны, а высокие сферы духа всеенепременно проникнуты неземной красотой, исходящей из некоего иного, более чем истинного бытия?

И вправду, к чему бы все это было кое-кому столь безоглядно и бездумно более чем бессмысленно отрицать?!

Попросту сходу необходимо признать незыблемо верным именно то столь незатейливое положение вещей, при котором неистово стремительный ход развития высокого творческого сознания у сугубо отдельных личностей до чего во многом и вправду-то схож с яростно низвергающим свои воды горным потоком.

Причем он действительно реален в своей вполне осязаемой и полностью доступной всякому взору основе.

Чье-либо воспаленное воображение (само по себе бесталанное или по сущей лениности попросту не способное к творческому труду) может создавать одни яркие блики, кидаая их в равнодушную толпу, которая между тем если чему и внемлет, так это одному своему нисколько ведь ненасытному инстинкту потребления и усвоения всех-то доступных в этом мире благ.

31

А при таких-то делах и без того безгранично невзрачная действительность в наиболее наихудшем своем виде предстанет перед глазами именно тогда, когда всеблагие народные просветители и впрямь до конца же уверуют в свою единственно верную «святую ложь».

Им было свойственно иступленно исповедовать принцип священной силы, способной разом так одарить весь этот мир радостью вполне ведь полноценного его освобождения от всех тех прежде всего внутренних вековых оков.

Причем весело добиться данного всеобщего блага было бы еще уж и вправду возможно разве что лишь исключительно внешними чрезвычайно насильственными действиями.

Ну а в результате всех тех высоких и благих намерений явно еще возникнет отъявленно воинственное государство извечно вовсе-то никем не выполняемых, насквозь лживых обещаний.

И сердце народа будет снова тогда буквально ведь доверху переполнено явной тоской по новому избавителю от всего этого крайне неприглядного засилья той-то самой бывшей голодранной черни.

И уж окажется она куда вороватее и ухватистее всех тех, кто уродился барчуком, ибо откуда тем вообще, собственно, знать про все те житейские народные хитрости?

32

К тому же еще и в сердца тех, кто (в той прежней царской России) родился богатым, вовсе-то никак не заползла зимняя стужа самым целевым образом безыскусно приторно обволакивающей людские души идеологии.

Она охватывала сердца ледяными нитями совершенно так донельзя абстрактной логической правоты...

И это ведь она столь простецки и обезличенно все и вся более чем безразлично взвешивала на весах всеобщего и донельзя обезличенного абстрактного блага.

Причем это самое пресловутое благо явно еще и проецировалось на чьи-либо самые конкретные насущные нужды, надеваясь на них, словно бы чулок на изящную женскую ножку.

Ну а прежние господа были людьми степенными, пожалуй излишне кичливыми, но несколько при этом во всей своей основной массе вовсе-то не были они злорадны по поводу всех тех извечных бытовых народных трудностей.

Да и не страдали они в свое время от холода и голода, а также и не испытывали на самих себе все тяготы самого непосильного физического труда.

Однако если и впрямь завести разговор обо всех тех новоявленных господах-товарищах, то надо бы сразу безоговорочно то подметить, что уж упустив из своих лап власть, они как минимум рисковали именно к тому самому простому и незатейливому житью-бытью вслед затем разом и возвратиться...

33

Они явно хотели только как лучше, стремились всей душой к счастью и освобождению угнетенных и голодных народных масс?

И они тогда были, впрочем, как и сейчас до самой еще последней нитки полностью обобранные, да и всегдашним непосильным своим трудом вконец бесконечно же обездолены и заморены...

Да вполне может быть, что прекрасодушные либералы, поигрывая при этом стальными мускулами, и впрямь безмятежно ласково всей душой стремились к улучшению жизни серых масс простого народа.

Однако их рьяные последыши, идя по их кровавому следу, затем перешли от бесшабашных и взбалмошных планов по принципиально так вовсе бессмысленному облагораживанию и прихорашиванию всего рода людского к делам еще лишь значительно более неприглядно темным, да и попросту вот КАТАСТРАФИЧЕСКИ БЕЗОТРАДНЫМ...

34

Цели всех тех, кто явно вот весьма так обезличенно наскоро присобачил все свое изуверски потребительское мировоззрение ко всем тем довольно аскетическим революционным нуждам, были гораздо прозаичнее, а души – куда только во всем безнадежно черствее.

Поскольку были те рьяные прихлебатели именно явными же врагами собственного народа и сущими нахлебниками из столь бесславной породы тех, что и впрямь неизменно тянулись своими лапищами к одной только личной выгоде и совсем ни к чему-либо, собственно, большому.

Однако и те еще самые первоначальные без царя в голове «благодетели народные» были, что называется, несусветно садистки жестоки, а также и непроглядно темны во всем своем до чего исключительно сурово идейном невежестве, да и сколь, несомненно, безгранично воинственно слепы...

Наилучшим образом всю их беспримерную за всю историю цивилизованного мира суровую бессердечность полностью во всем и до самого конца выразил большой писатель Владимир Тендряков в своем автобиографическом рассказе «Хлеб для собаки».

35

Может, это было их трудным, но верным путем достижения грамотности, культурного развития нации – превращения аграрной державы в техногенно вполне вот разумно сформированное современное государство?

Что же, пусть чисто формально оно и будет именно так, однако защищать своих граждан нужно бы не только от некоей той подчас донельзя пресловутой внешней угрозы.

Нет, столь важно их всецело оберегать и от всех тех сугубо внутренних факторов, что могут подчас нарушить пасторально обыденное и неспешное течение всякой обывательской жизни.

Ну а тем паче нисколько нельзя было создавать причин для всеобщей скорби, голода и лишений именно так высокоидейно, а еще и воодушевленно революционно...

Злу ли бежать совсем без оглядки,
Коль у добра точно те же повадки?

И вообще, звезд не нахватает с небес, разрушив чертоги старого рабства, оно ведь все-непременно еще себя возродит, поскольку все его корни – глубоко внутри человеческой психологии, а вовсе вот не заключены они в тех самых исключительно внешних формах всеобщего государственного обустройства.

36

Но ясное дело, откуда именно взялось это поверье: «Мы старый мир разрушим, мы новый...»

Однако возродили они разве что лишь мир стародавнего прошлого, сменив при этом религию, словно бы напялив на себя свежее нижнее белье.

От жизни никак нельзя требовать перемен, пока не был изменен сам образ мысли всего того и по сей день в точно том же довольно невзрачном виде существующего общества.

Резко к лучшему жизнь может перемениться разве что для кучки всю же страну под себя подмявших интриганов, истинно лишь удешевляющих весь тот донельзя исключительно прежний государственный деспотизм.

Ну да, они поначалу действительно несколько ослабили путы эксплуатации на производстве, прекрасно то понимая, что хоть чего-либо надо бы временно дать!

Но то ведь было одним лишь крайне недолговечным послаблением, да и еще разве что в тех не столь уж жизненно важных отраслях всего того «народного хозяйства».

В дальнейшем буквально повсюду были вновь сурово закручены гайки, а потому и не было более ни грамма свободы от всеобъемлющего, а в том числе и воинственно идеологического рабства.

А если и было у советского человека еще кое-чего, кроме самых прямых его гражданских обязанностей...

Ну так заключались они в том числе и в довольно сомнительном праве трудового народа на тупое и бездеятельное присутствие на всех тех совершенно бесконечных партийных собраниях, а также еще иногда и в возможности сугубо полодырничать во все те рабочие часы...

37

Интеллигенции, однако, тогда столь весьма благодушно и впрямь-таки исключительно нелепо привиделось, что она до чего принципиально смело заразила массы пламенем своего безмерно восторженного книжного энтузиазма...

Но все это были одни лишь разве что сказки на сон грядущий всякого житейского ума да миражи, наскоро впитанные из мечтаний гениев многолико окрыленной блаженно восторженным духом славной литературы.

Им было явно свойственно весьма отстраненное от довольно-таки многих бытовых мелочей сознание, бесконечно возвышенное вдохновением, а потому и не могли они оказаться судьями жизни, поскольку все их творчество – разве что ее великое зеркало, посмотревшись в которое мы можем лучше оценить себя, да и все окружающее, но и нисколько не более...

38

Да и сама по себе порожденная вполне так достойной подобного названия литературой возвышенная духовность зачастую явно превышает ума и сердца всех тех, кто никоим образом вовсе не был причастен к ее самому еще первоначальному возникновению.

Так что все эти бессмысленные призывы идти разом вверх по пути всеобщего самоусовершенствования есть одна лишь сущая блажь и отрывка после весьма сытной трапезы, а также и до чего только радостных прений по поводу всех тех сладостно вкушаемых разного рода яств...

А между тем простым людям нисколько не свойственно вдруг подниматься с колен, дабы устремить свой понурый от всех повседневных забот взор куда-либо до чего только стремительно вверх.

Нет, уж никак не зачерпнуть им от некоего возвышенного духовного источника даже и самую малую толику всей его и впрямь исцеляющей души волшебной силы.

Да и вообще, весь тот набор необъятных и невероятных благ был одним лишь нелепейшим миражом в знойной пустыне сущего мещанства и по-вселенски же безгранично склочного собственничества.

Обычных людей вовсе не интересуют сладкие плоды преображения всей окружающей их жизни во что-либо искристо доморощено доброе и приторно безоблачно райское.

А главное еще и в той разве что некогда довольно зыбкой и блаженно кроткой дальнейшей перспективе.

Уж чего-чего, а их и на холмистой всеми своими естественными трудностями равнине очень даже неплохо и сытно кормят.

Так что ровным счетом не имеет никакого значения, сколько еще усилий будет весьма уж до чего усердно предпринято, дабы действительно появилась возможность хоть как-то суметь приучить к «альпинизму» слепую и самодостаточную во всех своих низменных и плотских устремлениях, вечно чего-то смачно жующую серую людскую массу.

39

Она ведь при любом раскладе никуда далее любимого своего корыта вовсе уж уйти совершенно не сможет, а впрочем, ничего другого людская толпа ни в жизнь же, ясное дело, и не захочет.

Чехов в своем рассказе «Ионыч» пишет об этом так:

«Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти».

40

И все это более чем неизменно было именно так, и столь немногое, собственно, хоть как-то вообще переменялось с тем самым до чего уж благословенным появлением всевозможных новоявленных живых картин, чуда технически развитого века – синематографа.

Однако все то, что так или иначе вообще было хоть с какого-то бока касаясь весьма вот, как правило, исключительно одиозной официальной пропаганды...

Нет уж, тут, разумеется, все стало, безусловно, до чего безудержно во всем более чем и вправду действительно так иначе...

Промывать мозги стали жестче, хотя и поверхностнее, но все тут дело было именно в том, что личную душу при этом попросту заходя полностью ведь отменили, заменив ее целевым устремлением пронзенных острием идей восторженных трудящихся масс.

Причем само то воздействие более чем наглядных образов на душу человека было еще до чего только четко и чутко подмечено далеко совсем не вчерашним уж днем.

Еще в пору раннего Средневековья духовные поводыри серых и неграмотных прихожан обратили внимание, насколько жития святых, ярко и красочно расписанные на церковных иконах, более чем неизбежно оказывают весьма значительное влияние на саму душу исключительно так невежественного, полудикого человека.

Товарищ Ленин не зря как-то сказал:

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино».

Знал он, о чем это именно он тогда говорил, поскольку всецело являлся, хотя и тошнотворно гнилым, а все же вполне вот полноценно образованным, зрелым интеллектуалом.

Да, именно этак оно всегда было и есть!

Попросту нечем опровергнуть сей бесспорный, во всем абсолютно аксиомный жизненный факт.

41

Кинематограф и музыка самого различного жанра и впрямь-то, пожалуй, до чего непременно затрагивают тонкие струны многих и многих сердец.

Причем им это и вправду дано, и вовсе совсем не на мнимом, безликом и полувоображаемом уровне, как это подчас и впрямь происходит со столь многими произведениями художественной литературы.

Нет, в данном конкретном случае это ведь вообще происходит во всем том вполне этак доподлинном явлении себя почти что всему своему народу.

Нет, никто тут ради одного красного словца буквально-то на корню совсем уж несколько вовсе не отрицает весьма и впрямь благотворное влияние художественной литературы.

Однако она вполне всерьез во всем еще действительно до чего только наглядно повлияет на сознание всякого человека, разве что если ее образы столь достоверно полностью оживают во всех окружающих какого-либо индивидуума праведных людях.

Во всем остальном скорее уж той еще изумительно подчас хорошей эстрадной музыке, а также и всем тем талантливым, берущим за душу фильмам и будет доступно в самой доподлинной мере придать той самой простой и неразвитой человеческой натуре несколько большее совершенство самых искренних чувств...

А этим-то им и будет дано хоть в чем-либо вообще еще поспособствовать куда только явно большей чистоплотности всех тех столь обыденных и более чем простых повседневных помыслов.

И все ж таки иногда (в случае более чем искусного насаждения общественных предрассудков любого рода и толка) и может ведь медленно, но верно, постепенно происходить самая явная деградация всеобщего человеческого духа.

Раз уж вместо большой и светлой правды ему как есть сметливо подсунут дешевую аппликацию в стиле «просто, понятно и доступно всем».

42

И этак-то оно случается именно оттого, что целое учит и вдохновляет к душевному подъему, ну а рваные клочки расхожих истин запросто еще приучат человека к нигилизму, отрицанию природы как сложнейшей структуры, в дебри которой попросту никак нельзя вляпаться носорогом.

Ну а действительно можно разве что лишь еще столь и впрямь осторожно расчищать себе путь посреди ее бескрайне запутанных зарослей.

Вот что пишет по этому поводу писатель Сомерсет Моэм в своем романе «Луна и грош»:

«Неужели, по-твоему, красота, самое драгоценное, что есть в мире, валяется, как камень на берегу, который может поднять любой прохожий? Красота – это то удивительное и недоступное, что художник в тяжких душевных муках творит из хаоса мироздания. И когда она уже создана, не всякому дано ее узнать. Чтобы постичь красоту, надо вжиться в дерзание художника. Красота – мелодия, которую он поет нам, и для того чтобы она отозвалась в нашем сердце, нужны знание, восприимчивость и фантазия».

Да только фантазия эта должна быть именно творческая, а не исключительно почти вульгарно и бесцельно прекраснотушная.

Поскольку естественная простота чего бы то ни было может быть выкуплена одним лишь тяжким интеллектуальным трудом, и он обязательно должен был еще оказаться всецело продуман, а то чувство блаженного полета для всего человечества... запросто может продлиться и куда только подолее, нежели несколько каких-либо самых злосчастных секунд.

43

Идеалистическое препарирование всей окружающей нас действительности есть сущее снятие с нее шкуры, и когда уж будет она совсем до конца полностью ведь освежена, именно человек и может оказаться на этой земле чем-либо нисколько не нужным и попросту исключительно лишним.

Природа его в конце концов неминуемо попросту вытеснит, совершенно не стерпя над собой насилия, и произойдет это именно из-за одной той извечно донельзя так глупой привычки – все, значит, разбивать на куски, дабы затем наскоро склеивать его заново, но уж во всем до конца непременно «по-своему».

То есть как-либо по-иному оно, наверное, окажется вообще так никак нисколько нельзя, а потому, исходя из всего вышеизложенного, истинному конструктивному созиданию еще обязательно должно будет весьма ведь своевременно предшествовать время нашего «новаторского» познавательного разрушения.

И это и впрямь кое-кому кажется чем-либо вполне достойным и естественным – поначалу уж все до самого основания разрушить, разбив его на всяческие мелкие осколки.

Ну а лишь затем составить в уме подробный и весьма основательный план, как это именно его в дальнейшем переоформить заново в некое единое, разумное, но главное – теперича именно по-нашенски скроенное целое.

44

Это находит свое более чем доподлинное отображение во всей культуре и искусстве, но прежде всего – это касается самой уж как она только есть человеческой натуры.

Раз у нее умелой рукой до чего наскоро отсекается все ведь в ней кажущееся явно до чего только чрезмерным и излишним, а передаются одни те наиболее наглядные, поверхностные черты.

Причем именно подобным образом все это наспех проделывается разве что лишь затем, дабы далее совершенно так не составило ровным счетом никакого труда со всех видимых сто-

рон его столь и впрямь исключительно пристальнее разглядеть, как и сходу все его признаки до самого конца целиком вполне распознать.

Хотя на самом-то деле из всего этого явно поневоле получается гнилая полуправда, в которой разом утонет все неискusstvenное, никем не придуманное, а останутся на поверхности одни лишь те и впрямь выпирающие наружу благие намерения.

Да еще и из самого насущного разряда тех, что столь явно хотел бы вырвать с мясом из всей окружающей его действительности их блаженный духом, донельзя добропорядочный душка-автор.

45

Яростные устремления гения Чехова по весьма деятельному устранению всех ростков праздности из широчайшего поля общественной жизни русского общества нагляднее всего переданы в его пьесах.

Причем они-то как раз для своего поколения и века отнюдь уж не являлись ничем, собственно, большим, кроме как страстными агитками, хотя вместе с тем и без тени сомнения гениальными произведениями величайшего искусства.

То есть вполне возможно, что для некоторой части публики они, может, и были одними лишь только шедеврами пера великого гения своей эпохи...

Однако для подавляющего большинства им было дано оказаться одним уж тем исключительно наглядным подтверждением вездесущей правильности и без того витавших в воздухе идей безгрешной, а главное – излишне же принципиально воинственно классовой справедливости.

А идейки те были остры, словно ножи, а посему и срочная чья-то надобность их самого скорейшего незамедлительного применения в рамках всего существующего веками бытия в итоге и привела к страшнейшим тяготам народа во времена всех тех исключительно долгих и тяжких лет невероятно чудовищных испытаний и лихолетий советского периода российской истории.

46

Чего уж тут может быть на деле хоть сколько-нибудь непонятного...

Демагогии всеобщего трудового сподвижничества был, безусловно, нужен весьма надежный, долговременно ведь успешно работающий великий катализатор.

И очень так жаль, что столько таланта было истрачено разве что ради того, дабы наглядно и подробно передать всю эту донельзя непотребную словесную фальшь!

Советский лозунг «Слава труду!» – более чем явное чеховское наследие, производное всех его великих пьес.

Однако и другие авторы тоже зачастую ловят один лейтмотив современной общественной жизни, но вовсе не саму ее вполне этак во всем полновесную суть.

Причем почему-то именно от духовной и физической сытости автора в нем и проявляется вся эта столь немислимо твердая убежденность в самой уж неотъемлемой необходимости смело обогатить весь этот мир какими-либо несусветно популистскими идеями добра и света.

Это ведь именно из-за них Пикассо и нарисовал свою голубку мира, а не отобразил на широком полотне развалины города после действительно, не дай Бог еще приключится в этом злосчастном мире, всесокрушающей ядерной войны.

И это именно Брэдбери в своих «Марсианских хрониках», как и во всем своем творчестве, предвосхитил весь тот дальнейший крен всей нашей цивилизации в сторону полнейшего медленного, но верного техногенного саморазрушения.

47

Причем это именно всякая неимоверно грубая утилитарная восторженность и расхолаживает всю же душу современного человека.

И это одни лишь те и впрямь-таки настоянные на благочестиво мыслящем разуме эмоции, выражающие всю полноту человеческих чувств, собственно, и есть именно то, что столь непременно еще послужит всяческому дальнейшему развитию истинной духовности.

Вот как умело передает все вышеизложенное автором этих строк великий писатель Иван Ефремов в своем романе «Лезвие бритвы»:

«Уметь видеть, но не пытаться сложить из виденного целое, превратить в реальность, заставить поверить в него силой труда и таланта. Наоборот, они стараются рассыпать целое на крохи. Разбить вазу, чтобы любоваться причудливой формой черепка. Выбрать из живой игры светотени изображения две-три черты, пару красочных пятен и назвать это именем целого, заменяя мудрость собирателя красоты умением анатома. Это неизбежная расплата за разрыв с природой, с ее изменчивой игрой форм».

Да, может, оно и действительно правда, что в буквально любой, пусть даже и самой примитивной, игре с человеческим сознанием всенепременно порой возникает некое подобие внешнего развития.

Да только вот оно исключительно жалко и убого, а потому и не достичь ему тех самых еще изначально всей культурой перед нынешним человечеством отнюдь так не наспех поставленных задач.

48

Однако это именно искусство, что уж никак вовсе не было еще изначально буквально доверху переполнено весьма вот ласковой патокой вездесущей слащавости, подчас и вытравливает из самых глубин человеческого сознания еще издревле в нем имеющейся дикий хаос, да только чисто внешне, а вовсе не глубоко изнутри...

Воспитание – это и есть именно тот наиглавнейший фактор, всеобъемлюще формирующий новое человеческое сознание.

Однако современное общество никак пока не намерено перевоспитывать простого обывателя в духе любви к высоким материям, поскольку тогда им действительно станет на редкость так посложнее более чем бессовестно манипулировать, да и с величайшей бездумной легкостью управлять всеми теми на наш сегодняшний день до чего только вдоволь имеющимися социальными механизмами.

Поскольку все же общество тогда, вне всяких сомнений, явно потребует несколько иного к себе отношения.

Ну а заодно еще и начнет оно и вправду тогда вот осознавать всю несуразность нынешнего своего обустройства, при котором вся власть во всем мире сосредоточена в руках кучки олигархов, чье крайне неповоротливое сознание нисколько никак не ищет никакого выхода из явно давно уж назревающего экологического кризиса.

Ну а кроме того, техническое развитие без соответствующего подстегивания со стороны внутренней и при этом истинно со всех сторон изящной культуры всенепременно всех нас еще выведет на тропу войны со всей вселенной.

И победителям, столь последовательно и старательно уничтожившим весь озоновый слой, еще обязательно затем вполне всерьез предоставится более чем прискорбная участь окаменелостей в доисторических (в далеком будущем) геологических слоях матери-земли.

Мировоззрение тертое и перетертое в поисках всяческих материальных благ имеет форму до самых дыр облезлой, выдавшей виды ресторанной скатерти, и в этаким-то виде оно не золотой век, а куда скорее век золотушный, не дай Бог на всех нас еще столь непременно во всем этак вскоре всевластно накликает.

«Святое потребление», как принцип всеобщего последующего существования во благо всех грядущих людей, никак тут ни в чем совершенно ведь не сгодится.

Ну уж нет, именно нечто подобное и окажется той с амой явной ловушкой, в которой все человечество всенепременно увязнет, и если не головой, то по меньшей мере одной из своих бесчисленно длинных «оконечностей».

49

И коль скоро экологический кризис может и несколько обождать своего почти так ныне неминуемого грядущего часа...

Однако все-то никак нельзя исключить и тот на редкость ужасающий казус, когда в руках у фанатика и идиота вполне еще может, собственно, оказаться так называемый «волшебный ключик» самого отвратительного шантажа перед всем остальным миром, как известно, буквально повсеместно состоящего из всецело различных стран и народов.

Да только все они до чего неизменно привязаны стальными тросами нашего времени к величайшему чертовому колесу невероятно необъятного технического прогресса...

Пока что несет оно нас вертикально вверх, но все это происходит разве что только здесь и сейчас, ну а что еще может, собственно, произойти не в столь отдаленном грядущем, про то и знать ведь заранее никто, ясное дело, нисколько и близко совершенно не может.

50

Для новоявленного Архимеда всяческих точек верной опоры слишком так много теперь заготовлено, а потому и та всем небезызвестная метафора может еще, безусловно, уж стать более чем полноценной и безнадежно безотрадной реальностью.

И таким ярым изобличителем «ВСЕОБЩЕГО ВЕЛИКОГО ОБМАНА» всех прошлых времен и народов вовсе никак не обязательно должен был стать именно некий большой политик.

Нет, кем-либо подобным может оказаться и тот столь весьма нескромный обладатель чудодейственной вакцины, имеющий весьма же действенное противоядие супротив им и созданного, а затем и разосланного во все края и веси смертоносного вируса.

И тот, кстати, вполне однозначно может еще оказаться гораздо более живучим, нежели всем так нисколько небезызвестная сибирская язва.

А то, что он работал не на себя лично, а на свое правительство, никак не сможет уничтожить его собственных идей по всему тому дальнейшему применению тех самых столь успешно им разработанных боевых вирусов.

Но все это так одни лишь те еще отдельные предположения крайне нигилистического толка, ну а реальных возможностей сотворить бед всему человечеству в связи с тем и впрямь-таки титаническим техническим развитием может на деле уж приоткрыться слишком вот безотрадно, невысказанно много...

51

Мирные воды большой науки бьются о берег неведомого и постепенно размывают его, однако о том, что еще непременно может затем оказаться в руках у грязного пирата, этак-то до чего ловко взявшего на бордаж все то, что являет собой «судно всеобщих трудов тяжких»...

Нет, обо всем этом мало кто действительно заранее думает, главное для современной науки – одолеть в неравной борьбе все подступы к главным загадкам природы, а вовсе не обеспечить всему роду людскому более чем достойное и во всем действительно приемлемое грядущее.

Да только как бы разом не уплыть всем нам в то самое более чем полноценное небытие со всем этим нашим уютным и благим на одну злобу дня безнадежно скороспелым подходом ко всему тому нынче-то нас везде окружающему!

Ведь даже если и можно будет чего-нибудь этакое разом создать в форме самого всеисцеляющего противоядия за какой-либо довольно короткий месяц...

Да только все-то человечество по самому объективному анализу вымрет всего-навсего через пару-другую недель, и какой тогда от данной всеильной вакцины еще уж окажется действенный прок?

Человек, кстати, вполне вот способен совершенно сознательно создать более умные вирусы, от которых никакая марля попросту ни в чем вовсе-то и не поможет, имея при этом в виду уничтожение неких вражеских городов...

Но враг он разве что для одного лишь человека враг, а для вирусов ни друзей, ни врагов попросту вообще нисколько не существует.

52

Да и вполне оно может еще, собственно, статья, что у нас впереди не одно лишь то светлое техническое будущее, но и самая явная возможность, что кто-либо столь запросто так загубит великую массу народа простым устранением исполнителя каких-либо полностью обыденных рутинных действий.

И вот уж, нагло усевшись на его место, террорист и задаст тогда жару действительно многим, в чем-либо безмерно перед ним даже и безо всякой вины провинившимся людям.

И где это именно и когда еще последует тот нисколько неминуемый грядущий удар, заранее на глазок никак не предскажешь и вовсе не определишь.

И кстати, снова хотелось бы то явно вот подчеркнуть, что сделать это может и человек, безусловно, немыслимо далекий от каких-либо вообще фундаменталистских кругов, попросту взявший на вооружение какую-либо именно ведь свою собственную философскую систему, смело зовущую его к массовому изничтожению всех своих более чем беззаботно порхающих по жизни сограждан.

А посему из всего этого вполне однозначно следует, что максимальный контроль в этом новом техногенном мире – это, попросту говоря, самая элементарная жизненная необходимость.

53

А есть еще и средства массовой информации, которых ранее попросту никак пока не бывало в условиях той еще прежней истинно обыденной природы вещей.

И их досконально продуманное применение, именно в том ключе, как некогда всеильные диктаторы подчас так использовали новейшие (на тот момент времени) технические приспособления, будь то кино или радио, в конечном итоге может оказаться весьма ощутимой угрозой миру и спокойствию во всех тех доверху обеспеченных, а потому и крайне беспечных странах Запада.

Кто-то, конечно, может и впрямь сгоряча спросить, а откуда это теперь всему этому отыщется место в нашей современной технически до чего только славно подкованной жизни?

А вот станет повсеместно плохо с климатом и природой – и тогда новоявленные суровые горлопаны, словно те еще вши, тут же сами собой более чем незамедлительно разом и заведутся!

И в точности так, как оно было в том самом не столь отдаленном прошлом, технические средства вновь до чего уж явно послужат самым верным средством для значительно более плотного охвата населения диким злом и впрямь-то взбунтовавшейся против всего человеческого, столь воинственно ехидного варварства.

А возвышенному искусству в этом деле еще будет предоставлена одна из наиболее главенствующих и исключительно важных ролей!

54

О, это, конечно, самое вот безнадежно безнравственное отклонение буквально от всех на этом свете когда-либо существовавших норм.

Ну а вполне на деле естественным столь же неизбежно является практически беспримысличное устремление носителей высоких муз к тем самым заоблачным и белоснежным вершинам высокой духовности.

Однако оно вот порой бывает довольно-таки жалким даже и при всей своей глубочайшей искренности, что вовсе, однако, не умаляет доподлинного благородства всех тех еще изначальных намерений – кое-что еще и от таланта уж тоже зависит, как и от высоты полета чьей-либо безмерно воспаренной к звездам творческой фантазии.

Ярким тому примером может послужить «Обитаемый остров» режиссера Бондарчука.

Однако бывает и наоборот!

Это когда некий возвышенный гений станет звучно и наглядно создавать идеально слепленные из крови и плоти иллюзии, которые затем еще будут чествоваться целыми поколениями, а это и отравит жизнь целой империи, и случится это именно из-за всех тех «раскаленных, словно лава» инсинуаций, смело ведущих в гиблую мглу сущего кровавого безвременья.

И это совсем не то, что, скажем так, наспех отобразить, пусть и на более чем нелепом и крайне примитивном уровне, всю ту столь брутальную суть истинного гитлеризма.

55

И несмотря на то что всякое подлинное искусство всецело превышает всей той элементарной пользы, которую оно всем нам и впрямь исключительно ведь всенепременно столь радостно приносит, его все-таки следует хоть как-либо до чего только вдумчиво и последовательно довольно-то пространно всесторонне классифицировать.

Поскольку тот самый чисто техногенный фактор, появившийся за последние сто лет, должен был еще всецело обязать интеллигенцию более чем пристально смотреть на любые искрометно одухотворенные вещи, в том числе и с точки зрения их явной социальной полезности.

Причем их истинно благостное (с умом и расчетом) приложение к житейской практике бытия должно было быть не только всецело целесообразным, но и вполне надобно было ему еще и содержать в себе исключительно здоровое зерно.

И это как раз именно оно, будучи столь умелыми руками всецело взлелеяно и взращено, и помогло бы затем еще переменить всю общественную жизнь хоть к чему-либо во всем возвышенно величественному и отныне и впрямь-таки безгрешно многозначительно наилучшему.

Ну а стенания великих душ, запертых «в темнице лютой общественной несвободы», нисколько никак не могли донести до большей уж части всего того дореволюционного общества самую явную необходимость взять себе на вооружение принципы вполне разумного облагораживания каких-либо именно своих вовсе-то нисколько не притязательных черт.

Да и адские муки людские никакими глубочайшими (в сырой глине быта) самокопательными изысканиями добра быть оправданы ну никак этак совершенно же вовсе не могут!

56

Тем более что все те и впрямь доподлинно плодотворные поиски некоего общего светлого пути – это совсем ведь не ярое насилие над всей той от века еще неизменно же существующей действительностью.

Нет, это прежде всего именно планомерное созидание и самое уж благотворное конструирование совсем иной, куда только лучшей жизни...

Ну а в случае, если кто-либо исключительно так недвусмысленно выступает с «бравыми идеями» самыми ударными темпами до чего скоропалительно приступить к мерам неистово агрессивного подавления всегда, во все времена совершенно так полностью одинакового общественного зла...

И главное, в конце-то концов, добивается именно во всем исключительно своего...

Ну так при подобном раскладе у того самого более чем вездесущего прежнего недобра разве что вмиг поменяются одни лишь трезво мыслящие хозяева на тех вечно нетрезвых временщиков, ну а сама суть при этом столь неизменно останется в точности прежней.

И подобного рода отныне совершенно так безалаберная власть всего-то явно весьма взвешенно и рассудительно обзаводится исключительно же солидной идеалистической прибавкой, всегда так повседневно существующей именно во имя сколь ведь беззастенчивого идеологического «окучивания» всяческих и доселе праздных совершенно так невежественных умов...

При этом их сознание доверху заполняется никогда (В РЕАЛЬНО ОБОЗРИМОМ БУДУЩЕМ) нисколько вовсе не осуществимыми блеклыми миражами.

А кроме того, все те, кто мог бы, пожалуй, даже и ненароком разоблачить тупоголовых деятелей мнимого грядущего счастья, были более чем незамедлительно превращены во врагов Отечества, да и всего же вообще честного народа...

57

Вот и вправду, не слишком ли бесконечно много их затем оказалось – тех зачастую наиболее светлых духом людей, что были сущими нелюдями явно так отобраны для всех тех стылых барачников в Заполярье?

А бывало и того только хуже: в очень даже немало их числе совершенно пред той властью невинные люди были вообще до чего наскоро лишены жизни, причем еще уж в самом начале всех этих «общественно бесполезных» социальных преобразований.

Однако вот осуществлялось все это именно под те самые несмолкаемые литавры бешеного энтузиазма тех серых масс, которые интеллигенция того времени очень-то захотела разом освободить ото всех тех донельзя сковывавших их оков – и надо же, освободила, сходу лишив все свое государство всякой его головы...

58

Добро и свет так и маячат на небосклоне грядущего.

Однако, притягивая небеса к земле, всенепременно выпускаешь наружу демонов зла, а уж они именем наивысшей справедливости вполне еще однозначно посеют куда пуще невежество, обучив свой народ грамоте разве что ради его лишь только-то большего закабаления в рамках рабства, покорности, в донельзя жестких рамках сумрачно сумасбродной идеологии.

Чехов, Лев Толстой и Горький стремились освободить весь свой народ от столь тяжкого (для них лично) его извечного прозябания в зловонной луже на добрую половину ими самими и вымышленного до чего и впрямь невероятно горестного быта.

Он им попросту издали именно таковым грезились в ярком электрическом свете до чего и впрямь исключительно тягостного их неприятия всей окружающей их на веки вечные беспросветно обыденной, да и безысходной житейской действительности.

Их взгляд попросту ведь бессильно скользил по самой поверхности людского быта, попросту до чего неизменно избегая проникать во всю его грязную и крайне неприглядную житейскую суть.

59

А между тем русский народ в атмосфере подобного крепостного рабства жил уже лет триста, четыреста, а посему и не очень он примечал все свое приниженное, бессовестно скотское состояние.

Нет, он, конечно, не раз восставал, но в этом вовсе не было никакой действительно твердой системы, да только этак оно было разве что до тех самых пор, пока его не начали поедом есть все те чрезмерно взыскательно ласковые и искрометно добродушные идеалисты.

Алексей Пешков даже и имя себе подобное из-за всего того большого горя от ума сходу ведь выдумал, дабы раз и навсегда выразить всю полноту своих всеблагостных задушевных устремлений.

Он и другие подобные ему хотели одного лишь не в пример всему злосчастному прошлому всегдашне так во всем безрассудно хорошего?!

Да только вот между тем тот самый неподдельно итоговый, конечный результат зачистую же напрямую зависит вовсе не от духа добра, заложенного в чье-либо произведение, а именно от более чем кровной его взаимосвязи со всем тем столь давно, долгими веками отлаженным, самым что ни на есть реальным житьем-бытьем.

60

Ну и какой из всего этого нужно бы сделать столь вот существенный и весьма неутешительный вывод?

А собственно говоря, именно тот, что как уж оно само по себе до чего и впрямь безбожно выходит, чеховская «Чайка» – это разукрашенная всеми цветами радуги сущая ирреальность.

И именно в ее исключительно неверном свете в душах у многих интеллигентных людей начала прошлого века надолго затем еще засела заноза довольно-таки быстрого переустройства всех существующих реалий в некие иные, куда только более сочные и изящные тона.

В чьих-то глазах вдруг, словно бы разом потускнели, покрылись густым темным мраком все те до чего бесконечно долгие тысячелетия «сущей обездоленности», что навсегда так и остались в том-то самом незыблемо «тяжком прошлом».

61

Однако все уже выше сказанное нисколько не означает, что автор имеет хоть что-либо против русских классиков или искусства вообще.

И все же ему более чем принципиально должно было столь и впрямь еще исключительно так основательнее во всем оказаться полностью же как есть согласованным со всей той и по сей день невзрачной обыденностью, а не выпирать из нее острым и длинным гвоздем.

Искусство – оно без тени сомнения действительно всецело участвует в формировании внешнего скелета всей человеческой натуры!

Именно благодаря ему он и становится жестче, прочнее и массивнее, да и внутри его столь нередко бывает суждено заронить некое довольно полезное зерно.

Да только безо всякой серьезной подпитки со стороны всех тех так или иначе окружающих людей ему явно долго не оттенять собой тьму буквально одереворяющего душу страха...

Злоба отравит, одиночество сгубит, а люди никак не сумеют вдруг оказаться намного лучше самих себя, разве что лишь благодаря тому, что им довелось несколько так соприкоснуться душой со всем тем безмерно же радостным миром прекрасного...

62

Искусство непременно способно породить к себе столь неустанное задушевное устремление, однако отнюдь так никак и не более того...

И это именно глубокомысленным проявлениям высокого духа и вправду свойственно придавать всему этому нашему житейскому естеству несколько большую восприимчивость к высоким нотам действительно совершенно же подчас необыденных частот.

И они весьма явно до чего только еще отличны по всему своему звучанию от всяческой мелкой суеты простейших и будничных вездесущих проблем.

А все-таки самое что ни на есть положительное воздействие высот духовности на всю эту нашу обыденную жизнь в конце концов, вне всяких сомнений, еще уж окажется, по всей своей сути, до чего неизбежно поистине ведь ничтожным.

Потому что, несмотря на всю большую живость образов, как кинематограф, да точно так и хорошие книги навсегда же останутся одними перилами, довольно-то наспех подвешенными кем-либо в воздухе.

Ну а потому и окажутся они исключительно малоспособными действительно вот еще удержат человека от глубочайшего морального падения.

63

А кроме того, они вообще могут более чем осознанно увести всякого своего читателя или зрителя в самую глубочайшую бездну и мглу новоявленных диких времен.

Автор вполне же способен быть злым и жестоким, стремиться к насаждению в душе человека наиболее низменных, примитивных инстинктов.

Да только коль скоро товар его на полках магазинов никак не залеживается, а весьма бойко распродается, никто и смотреть на это совершенно так нисколько не станет.

Тот же Стивен Кинг, безусловно, может послужить тому самым что ни на есть явным и весьма вот преотличным примером!

А кроме того, всякое реальное воспитание личности за самым редчайшим исключением может быть осуществлено одними лишь живыми людьми и никем вовсе, собственно, более.

64

В принципе, любого человека вполне еще возможно хоть сколько-то да попытаться постепенно переиначить, а в том числе нечто подобное возможно предпринять даже и в чем-либо довольно-таки зрелом возрасте.

Да только заниматься подобного рода просветительством чьей-либо и впрямь давно заблудшей души можно разве что совсем ведь недолго, коль скоро сам человек о том никого, собственно, совсем не просил.

Ну а яростное форсирование данного процесса более чем предметно предзнаменует все этапы бескомпромиссной борьбы с почти уж всегда остающимся на самом доньшке души добром, а вовсе не наоборот.

А еще, даже и попросту вот указав человеку на тот фильм, который ему непременно стоило бы внимательно посмотреть, или на ту книгу, которую ему крайне важно было бы вдумчиво прочесть, тоже его хоть в чем-либо на деле, а не на одних лишь праздных словах, действительно так перевоспитываешь.

Причем в особенности полезным все это станет именно тогда, когда ему заодно и подскажут, на чем именно при просмотре или при прочтении ему непременно следовало бы действительно акцентировать все свое основное внимание.

И ведь наиболее праведным все вышеизложенное было бы и впрямь столь логично еще отнести именно как раз-таки к тем самым истинным сокровищам художественной литературы.

65

Однако никак так нельзя совершенно неразрывной нитью привязывать возвышенную духовность к привитой еще с детства привычке к прочтению книг.

А тем более что некоторые из славных поглотителей бессмертных произведений искусства бредят одним лишь именно тем еще святым его духом, а именно потому они со столь божественно лирическим упоением и воздают почести одному своему безмерно большому, ненасытному аппетиту.

Это и позволяет им смотреть на других (простых смертных) сверху вниз, а они в точности те люди, а потому и все, что потребно для вполне стоящего изменения всех их повседневных привычек заключено как раз-таки в постепенном создании условий, дабы само чтение книг стало для них делом истинно комфортным и уютным.

Этой, безусловно, наиважнейшей цели и могут до чего уж целенаправленно послужить многие и многие нынешние аудиокниги.

Однако то вовсе не вопрос, а что именно более всего оказывает на всякого человека самое существенное влияние – прочитанная ли книга, увиденный фильм или то, как вели себя, да точно так и ведут себя и теперь, его родные отец и мать.

66

И кто это вообще решил, что все человеческое общество действительно достойно всей уж своей чисто внешней цивилизованности?

А между тем почти вся современная духовность и человечность – это плоды стараний довольно-то малочисленной группы интеллектуалов.

Вся вот так называемая общечеловеческая культура в случае некоего всеобщего катаклизма, что, не дай Бог, сотрет с лица матушки-земли все ее современное политическое устройство, даже и часа не устоит перед натиском чрезвычайно быстро отупевших орд не более чем вынужденно (безо всякой на то особой охоты) приодевшихся и остепенившихся дикарей.

Они степенны и учтивы разве что лишь исключительно из-за внешне навязанных им законов всего того единовременно с ними и поныне вот существующего современного общества.

67

В случае же весьма явственного тупика на пути всего современного прогресса процесс деградации культуры и возникновения новых врагов народа может занять не более того одного лишь кратчайшего мига в истории всего того цивилизованного существования.

На то, без тени сомнения, может хватить и года, а тем паче двух лет столь исключительно жалкого существования в свете вновь не на пустом же месте разом возникших вовсе-то заранее никем не предвиденных до чего и впрямь объективных ужасных трудностей.

И вот именно тогда многотонные колеса телеги вроде бы навеки прежнего тоталитаризма очень даже быстро и до чего безудержно раздробят кости всему тому внешне демократическому, но пока еще во многом, несомненно, аморфному...

68

Ну а все великие достижения разума, что и впрямь могли, пусть и довольно-таки потенциально, всех нас постепенно приблизить к чему-либо истинно высокомудрому и чистому, с куда большей легкостью непременно смогут еще оказаться задействованы именно ради того, дабы совершенно уж насильно привить всем нам любовь к наиболее грязным нечистотам скотского себялюбия.

Они же, между прочим, в прошлом и посодействовали укоренению в неграмотном и невежественном человеке столь беспочвенной веры в то, что хватит, мол, и того, чтобы толпа хором проорала «халва» – и через одно мгновение у всех во рту разом станет приторно сладко.

Нет уж, вовсе не может тут быть никакой существенной разницы, делалось ли это во славу дикой жестокости или во имя всеобщего блага и любви к ближнему, раз было то исключительно так отныне попросту ведь во всем безразлично.

Разве что именем истой черной ненависти будет куда явно потруднее открыто творить наиболее темные и грязные дела, поскольку некоей усредненной душе человека все это довольно быстро вскоре уж совсем тогда опротивеет.

Однако и само ее наличие еще непременно можно будет столь незамедлительно взять под очень даже большое и более чем беспристрастное сомнение, а то и вовсе напрочь ее отменить!

69

Коммунистическая и нацистская идеологии, создавшие в чьих-либо близоруких глазах невообразимо заманчивый проект по ранее нисколько и небывалому ускорению политического и духовного преобразования всего рода людского, поставили во главу угла принципиальное отсутствие у человека какой-либо вообще ведь собственной души.

Барварские диктатуры признавали одно лишь наличие у него интеллекта, проявляющего себя в самых основных инстинктах, кстати, присущих даже и живущим в некоем едином сообществе насекомым.

При этом сугубо подчеркивалось все его звериное родство, классовое или этническое, что никакого существенного значения далее вовсе уж никак не имело.

Главной целью тут было яростно сплотить людей пристроив к ним до чего только невысказанно угловатое клише – «наши» и «не наши», ну а чужих, совсем не своих, мы ведь разом всех до единого пустим в расход – оптом и в розницу.

И их действительно отныне уж всех и следовало буквально так повсеместно изничтожать, словно тех еще злобных вредителей, извечно строящих, да и осуществляющих, коварные планы супротив всего того действительно благородного рода людского.

70

Причем безукоризненно веря светлому уму Федора Достоевского – это явно не что-то такое исключительно новое, а давно извечно исхоженное старое.

Вот что он пишет по этому поводу в его незабвенных «Бесах»:

«Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки „передовых“, которые действуют с определе́нной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается».

71

Но этих идиотов еще вполне возможно будет раз и навсегда попросту так отодвинуть от бушующего вулкана людских страстей.

Поистине дав массам вместо лубочных светлых идеалов фигурку кумира, что и будет отныне ознаменовывать самую что ни на есть более чем наглядную суть сущего воплощения всех чаяний и надежд на все то некогда разве что лишь грядущее всеобщее славное благоденствие.

История знает тому довольно немалое число весьма красноречивых и до чего только и впрямь выразительных примеров, и из последних – это, конечно же, Великая иранская революция.

Она-то еще изначально возникла именно вот явно так в связи с тем, что кучке завязых либералов столь невероятно некогда и впрямь захотелось заполучить значительно большее количество гражданских и общественных свобод.

Причем это несмотря на то, что у них и без того их было нисколько совсем так не мало.

И именно с этого все разом и начинается!

Ну а затем любая революция, что до чего неизменно всеми своими восторженными словесами и вправду натужно и безмятежно бездумно прекрасна, столь ведь деятельно возвышает на самые небеса те и впрямь-таки сердобольные до всеобщего чужого блага ничтожества.

Да еще и тут же сходу изыскивает она себе ярых врагов, дабы утопить в их крови все то стародавнее проклятое прошлое.

Неистово пытаясь буквально с ходу сплотить весь свой народ супротив всякого их до чего коварнейшего и вездесущего присутствия.

72

И ясное дело, что это именно большевики весьма ответственно и спровоцировали капиталистический мир на поиски самой-то и впрямь насущной антитезы осатанело яростному большевизму.

А им и стал половозрелый фашизм, беспардонно и беззастенчиво втирающий все свое мировоззрение самой так всепоглощающей ненависти в те самые довольно поверхностно образованные умы серых масс немецкой и итальянской наций.

Правда уж, собственно, дал он клятву верности капитализму, разве что лишь исключительно только потому, что всякий противоположный путь был бы ему абсолютно отныне прегражден всеми теми местными неприемлемо суровыми для всякого настоящего социализма капиталистическими и имперскими реалиями.

И было в нем, кстати, значительно больше ничем не прикрытой варварской агрессии, нежели хитрости, и был он столь и впрямь смертельно опасен всей своей истинно дьявольской продуктивностью.

Однако та самая всеядная хитрость при всей своей житейской тупости все-таки может оказаться значительно хуже, причем не для отдельных с чьей-либо точки зрения неполноценных народов, но и для всего дальнейшего существования всего этого мира.

Русский народ был и есть один из сильнейших по всему своему духу народов мира сего.

Ну а потому и вполне еще могла оказаться столь несоизмеримо горше судьба всего человечества, если бы тот самый осатанелой лихости большевизм действительно изыскал все нужные идеологические средства, дабы именно так его значительно лучше и весьма вот обстоятельнее действительно оседлать.

Ну а затем и можно было бы повести вконец заблудшие трудовые массы на бастионы того неистово озверелого совершенно так чуждого им по духу капитализма.

А тем более что уж делалось бы это именно во имя любви, а вовсе не во имя расовой животной ненависти!

Да, именно так!

Во имя любви, хотя и путем убийств и совершенно безрассудных и разрушительных свершений!

По куцей логике комиссаров, само собой оно этак-то весьма своенравно и самооправдательно всегда выходило, что именно, значит, посредством чего-либо подобного и пребудет во всем этом мире их столь радостно близкий земной рай, а не тот никогда на деле нисколько не существовавший – небесный.

73

Однако на самом-то деле оно выходит, собственно, именно так, что чем более радости будет от смерти классовых врагов, на которых пусть и пришлось до этого безропотно целыми веками гнуть себе спину...

Да только со всей безысходностью надо бы сразу заметить, что лучше от всего этого никому вовсе вот совершенно так нисколько не станет.

Раз еще лишь значительно гуще затем сгустятся тучи ненависти, отравляющие громом и молниями осатанелой идеологии простым людям их наивные души, да и, в принципе, всегда уж искренне добрые сердца.

Ведь никоим образом нельзя путем убийств и насилия над ближним своим (пускай он и будет хоть в чем-то всегда виноват) приблизить эпоху всеобщего счастья.

Таким макаром разве что, наоборот, незамедлительно отодвигаешь общество назад в пещеры к мамонтам и троглодитам.

74

Вот и генерал Краснов более чем однозначно рассуждал в примерно схожем ключе – ниже приведено его мнение, изложенное им в книге «От двуглавого орла к красному знамени».

Жаль только, что всего через год после написания этих строк Краснов вполне всерьез душевно подгнил, и в конце следующего романа «Единая-неделимая» ему с чего-то вот вдруг явно вздумалось прославлять убийцу отца, матери и деда исключительно за то, что тот свернул шею какому-то одному никудышному большевику...

«Она думала. Она пришла уже в своих думах к тому, что, может быть, они правы. Они, трудящиеся над землей, они, живущие в маленьких тесных избушках, где спертый дурной воздух, они, голодающие и мерзнущие. „Мир и все его богатства принадлежат им, и буржуи – словом, все те, кто не умеет сам работать и добывать все своими руками, должны или стать такими, как они, или уйти в иной мир, на земле не место тунеядцам...“ Придя к этой мысли, Оля почувствовала страшную жажду жизни. „Ну, хорошо, – говорила она, – я буду работать, как они, я буду прачкой, я стану садить и полоть огороды...“ С этой мыслью она задремала. Но сейчас же вернулась в явь от новой яркой мысли. „Да ведь тогда, – думала Оля, и мысли точно торопились в ее мозгу, стремясь что-то доказать ей важное и убедительное, – тогда, когда все станут, как они, и не будет нас, погибнет красота. Тогда погибнет вера в Бога, погибнет любовь. Тогда исчезнет сознание, что позволено и что не позволено. Тогда убийство не будет грехом и сильные и дерзкие станут уничтожать слабых. Слабые станут раболепствовать перед сильными, угождать тем, кто свирепее осуществляет свое право жизни. Тогда все обратится в сплошную резню. Христос с Его кротким учением уйдет из нашего мира, с Ним уйдут красота и прощение, и в дикой свалке погибнут люди. Они, как хищные звери, разбегутся по пещерам и будут жить, боясь встретиться с себе подобными“».

75

И как раз именно это, собственно, и произошло в России во времена ленинско-сталинской оторопи от всего того, что и впрямь совсем же нисколько неправильно тогда уж вполне относилось ко всему тому столь неистово треклятому прошлому.

Через двадцать долгих и мучительных лет неистово сурового правления Антихриста люди вообще стали бояться разговаривать с какими-либо посторонними прохожими из-за одного того глубоко гнездящегося в самом их сердце страха, что вдруг это они и есть те самые враги, о которых столь много и подробно пишут во всех газетах.

А потому люди тогда буквально до смерти боялись, что их безо всяких излишних каверзных слов сразу же огульно и безотлагательно уличат в том, что они, может, и мельком с кем-либо не тем переговорив, с лютым врагом вступили в более чем явный предварительный сговор.

Все это стало возможным разве что только путем медленного, но планомерного удушения России в кошачьих объятиях большевистского вождя всех тех волей-неволей столь отныне безропотно подвластных ему народов.

Он-то точно до чего и впрямь умело играл со СВОЕЙ страной в ту самую всем небезызвестную игру кошки с уже пойманной ей мышкой...

76

Да только той безнадежно ослепленной всем своим задушевым энтузиазмом интеллигенции тот самый неудержимо победоносный процесс исключительно ведь бескрайнего закабаления народа ярмом окаянного рабства был вовсе-то не столь действительно зримо применен.

Наверное, тут сыграло свою решающую роль именно то обстоятельство, что большевики очень даже умело создавали в народе великие пароксизмы беспричинного восторга.

Причем делалось это тогда и впрямь уж более чем явно во всем так подобно тому, как то и по сей день до чего бойко и толково проделывают всяческие прохиндеи, строители финансовых пирамид.

Писатель Андрей Платонов в своей знаменитой повести «Котлован» разоблачает это в своем более чем безо всяких прикрас доподлинно исторически верном описании вдоволь уж тогда разросшегося, словно снежный ком, беспросветного энтузиазма:

«Я этих пастухов и писцов враз в рабочий класс обращу, они у меня так копать начнут, что у них весь смертный элемент выйдет на лицо... Но отчего, Никит, поле так скучно лежит? Неужели внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план?»

77

А показухи в те времена и впрямь было попросту столько, что и сами вожди по этому поводу до чего только невольно подчас спесиво и радостно умилялись.

Уж как это им столь легко удалось буквально разом более чем казенно и бесслезно поднять весь свой народ на «святую» войну за все то полнейшее последующее столь бескомпромиссно всеильное порабощение?

Ну а сделано это было именно в свете искрометно ослепительных иллюзий, всегда лишь разве что грядущего, ни с чем земным никак нисколько не соразмерного общенародного счастья.

Хотя на самом-то деле все это являлось разве что одним тем еще до чего плоским, словно блин, прикрытием наиболее главной для всех трудовых людей весьма же донельзя во всем ответственной задачи...

Им вот еще обязательно так предстояло найти себе исключительно во всем достойного и вполне искренне им подходящего великого кумира, наилучшего из всех людей, дабы затем именно его и сделать наивысшим существом, пред которым все остальные, несомненно, будут обязаны молча склонить свои головы и колени в жесте чрезвычайной преданности и любви.

А иначе и быть оно тогда совершенно так никак вовсе и не могло!

78

Конечно, кто-то ведь может до чего благородно и громогласно во всеуслышание заявить как раз уж о том, что можно, мол, в единый миг видоизменить весь род людской, попросту дав ему совершенно другую, куда более достойную жизнь.

А в особенности путем самого так незамысловатого переименования всего уж его отныне вовсе вот никуда не годного обывательски житейского мировоззрения.

Однако все это не более чем несусветная бредовая чушь.

Писатель Ефремов в своей книге «Таис Афинская» вполне же доходчиво разъясняет на примере Древнего Египта, чем все это довольно-таки бессмысленное понукание общественного, а вовсе не своего личного, разума и впрямь еще может весьма плачевно и совсем не бескровно разом закончиться:

«Другое заботило его – недавно он понял всю тщету усилий преобразовать Египет, внедрив сюда дух Эллады и гений Александра. „Эту глыбу древних верований, обычаев и уклада жизни, подобную скале из черного гранита Элефантины, – объяснял он Таис, как всегда, умно и убедительно, – невозможно изменить иначе как расколов ее на части. Но поступать так немудро. Разрушая, невозможно сразу заменить прежнее новым, ибо страна останется без закона и обычая, обратясь в сборище одичалых негодяев“».

А как же иначе?

Всю ту еще издревле существующую жизнь никак за одно поколение нисколько и близко вовсе не переиначишь!

Однако все те подлые и крайне вязкие во всем своем бесноватом фанатизме негодяи на этот счет, пожалуй, мыслят исключительно во всем, ясное дело, безнадежно так значит разве что вот по-своему.

Поскольку именно это им и было некогда, собственно, надо!

79

Они, видите ли, только лишь и желают слепить из общества некий единый организм, в котором гнусные лицемеры, вооруженные знаменем великих пламенных идей, явно ведь вскоре окажутся неким наивысшим все отныне раз за разом за всех всесторонне всеильно решающим существом.

Ну а для самого наибольшего успеха на этом, собственно, поприще им всенепременно надобно было до чего и впрямь совершенно вот незамедлительно отменить все когда-либо ранее существовавшее прежнее, наспех так утрамбовав все общество самыми разнообразными видами вездесущего террора.

А между тем любая фанатически превозносимая идея еще может послужить не одним лишь тем до чего сугубо внешним мерилом всего того нынче и вся, но и стать действительно главным краеугольным камнем отныне и на долгие века бескрайне безотрадного общечеловеческого существования...

То есть при каком-либо даже и наиболее нелепом своем выверте широчайшее либеральное мировоззрение вполне вот способно оказаться мощнейшей внутренней подпоркой, поддерживающей совесть интеллигенции в более чем для нее надлежащем состоянии полнейшего же безбрежного покоя.

80

Современный диктатор в его собственных глазах вообще вот неизменно видится себе чем-то навроде муравьиной королевы, от которой впрямь и будет зависеть жизнь и судьба всего остального гигантского муравейника.

Его мысли и чувства всесторонне (в его глазах) отображают некое глобальное мнение и устремление всецело выдуманной идеалистами-фанатиками коллективной души всей его нации, так что категорически нет и не может быть никакого иного мнения или же какого-либо еще совершенно так постороннего всеобъемлюще отображающего всеобщие чаяния чувства.

Вот что пишет по этому поводу писатель Алексеев в своем романе «Крамола»:

«Принцип коллективного, классового мышления напрочь уничтожал автономию личности, оставляя это качество одним лишь вождям».

81

Вождь – он же отец нации – то ведь вовсе не король, помазанный на царство небесами...

Однако он, как тот вполне вот полноправный и безусловный прародитель всего того нового сущего, и впрямь в своих собственных глазах имеет полнейшее право на его абсолютно планомерное и более чем действенное уничтожение.

Ну или по меньшей мере на его бесподобно смелое переоформление в рамках лично своего обо всем на этом свете исключительно весьма и впрямь так одиозного понимания.

Вот как беспардонно вкрадчиво, до чего старательно при этом избегая всех острых углов, о том столь всласть же глаголет великий классик французской литературы – Виктор Гюго, «Девяносто третий год»:

«Разрушить все Бастилии – значит освободить человечество; уничтожить феодализм – значит заново создать семью. Виновник наших дней – начало всяческого авторитета и его хранитель, и нет поэтому власти выше родительской, отсюда законность власти пчелиной матки, которая выводит свой рой: будучи матерью, она становится королевой; отсюда вся бессмысленность власти короля, человека, который, не будучи отцом, не может быть властелином, отсюда – свержение королей; отсюда – республика. А что такое республика? Это семья, это человечество, это революция. Революция – есть будущее народов; а ведь Народ – это тот же Человек».

82

Народ – он и вправду, действительно тот же человек, и с этим довольно трудно, взвешенно о том подумавши, до чего только и впрямь обреченно, никак уж вовсе так, значиться, не согласиться.

Однако сущего единства его духа всенепременно придется добиваться великое множество невыносимо тягостно и бестолково гуськом друг за другом идущих тысячелетий.

Причем столь долго еще самой обыденной практикой жизни так и будут те времена, когда наиболее главными побудительными факторами во всех действиях почти что всякого человека более чем безвременно окажутся именно те направо и налево до чего только броско цветущие чисто эгоистическими страстями безудержно собственнические побуждения.

Поскольку действительно видоизменить еще от века именно ведь подобным образом сформировавшуюся людскую породу – отнюдь не то же самое, что вполне так полноценно, трезво уяснить более чем законченно и здраво обоснованную концепцию самой явной необходимости довольно резвого движения именно в этом исключительно же верном направлении.

Да только идти к чему-либо подобному надо бы без каких-либо излишне резких рывков и (по возможности) безо всякого этически нисколько никак так не обоснованного напрасного насилия...

Правда, суровую и совершенно бескомпромиссную силу порой действительно необходимо применять, но разве что лишь по отношению к людям предельно отсталым, все еще живущим в самом отдаленном прошлом.

83

Именно против них и должны были буквально на пределе всех их возможностей всецело оказаться задействованы все силовые структуры внутри всякого действительно большого общественного организма.

Путь же вперед при помощи тотального насилия всем нам, безусловно, всецело заказан.

Пропосту потому, что улучшение жизни – это процесс во всем созидательный.

Ну а всяческим неумным разрушением старых оков разве что лишь весьма значительно усугубляешь все то, что из века в век именно же подобным образом исторически кирпичик за кирпичиком в глухую и высокую стену постепенно и несокрушимо довольно-то слепо ведь всецело сложилось.

Просто уж то, что накапливалось в общественном организме в течение многих и многих поколений, никак так нельзя вымести, словно бы то был старый и совершенно уж ныне просто именно что бесполезный мусор.

И разом перемениться могут одни лишь начальственные лица и внешние декорации, но ничего и никогда, собственно, более.

84

Нить, из которой сплетена самая сердцевина обыденности, никак не удастся совершенно наспех единым усилием воли всемогуще еще разорвать.

Поскольку вся паутина злосчастного людского рабства фактически всегда именно внутри, а совсем не снаружи.

Отдельные истинные (не избранные серой и безликой толпой) вожди действительно могут повести свои народы дорогой славы и привнести к их ногам военные победы, благодать, как и доподлинно безоблачное счастье...

Однако ведь все то, что было тем или иным образом вовсе не вскользь явно касаясь всех тех взятых кем-либо на щит философских течений...

Нет уж, более чем незыблемым и непреложным в них всегда было, да и останется, именно то совершенно безбрежное наличие всяческой и всевозможной разноцветной словесной шелухи.

Причем основано это именно на всех тех весьма глубокомысленно восторженных теоретических выкладках, что никогда не были хоть сколько-то существенно ограничены какими-либо вообще суровыми житейскими реалиями.

И их, собственно, никто и не пытался как следует до чего и впрямь-таки продуманно обкатать на какой-либо деловой и действительно обыденной основе.

Буквально все в них возвышенно и проникновенно светлое буквально-то разом насильственно облекалось в аляповатые полотнища крикливых лозунгов, становясь при этом самой неразрывной частью всей той нисколько не воздержанной на самовосхваления чрезвычайно бесноватой идеологии.

Причем все эти кроваво-красные знамена впрямь уж на ходу затем рвались, обнажая при этом всю наготу исключительно эгоистических побуждений.

85

Однако тех вот простых людей, буквально наспех всеильно разрушивших тот будто бы давно отживший свое старый мир, просто более чем бесстыдно злодейски обманули, слащаво поманив их тем еще бескрайне далеким миражом, до которого им было затем вовсе ведь нисколько никак никогда не добраться.

Они были наивны и безграмотны, а потому и до чего бескрайне же простодушны.

Ну а потому им и было дано бездумно сразу так «во все исключительно светлое» беззаветно и слепо поверить.

И вот, до чего только судорожно осознав саму ту более чем вездесущую необходимость сокрушения всего того навеки отныне отжившего, они и раздавили всю нравственную суть во многих простых и отчаянно невежественных людях.

Что уж до некоторых особо рьяных разрушителей оков всего того непомерно огромного прежнего зла, то это именно в них и сосредоточилось все то, что, в принципе, и являлось сущим экстрактом самых действенных наработок светлого разума.

И было оно разве что столь цинично перевернуто вверх дном, причем именно во имя той самой старой, как и сам этот мир, более чем безобразной уловки – всемогущего идолопоклонства во всей его наиболее новой, зловещей интерпретации.

То есть случилось именно то, что и впрямь было некогда абсолютно еще невозможно ко всему своему праведно восторженному служению, безо всех тех современных технологий, ранее и близко никак уж пока не существовавших в самой как она только есть природе и жизни человека.

86

Разумеется, что к идеальной диктатуре все человечество еще бы пришлось очень даже долго и весьма старательно принаравливать, и вернее всего, что совсем не иначе, а вовсе не одну ту донельзя злосчастную тысячу лет.

Поскольку «вымести мусор» до чего и впрямь последовательного восприятия самого себя как самого неизменного центра всей той действительно видимой всякому невооруженному глазу вселенной...

Нет уж, ничего путного из всего этого нисколько так совершенно не выйдет, даже и при исключительно деятельном к тому содействии более чем тщательно продуманной пропаганды, начинающей свое более чем энергичное воздействие на мозг человека еще с самого нежного его возраста.

Единственным надежным способом к быстрому переустройству психики в этом направлении было бы лишение детей их «государственных врагов» – родителей, но и это тоже явно заняло бы довольно продолжительное время, раз невозможно проделать что-либо подобное именно в одночасье с большей частью всего своего пусть даже и более чем совершенно беспечного народа.

Он ведь тогда всенепременно безумно взбунтуется...

87

Однако же постепенно дети недругов государства, отнятые от материнской груди еще до того, как в них вообще успело проснуться действительно полностью ведь вполне самостоятельное сознание...

Уж сколь запросто они могли бы затем и впрямь-то со временем оказаться весьма и весьма значительной прослойкой всего того исключительно во всем нового механизма государственного аппарата.

И это именно из них, начисто лишенных всяческой обычной человеческой психологии, и вышли бы когда-нибудь затем самые наилучшие устроители коммунистической или же нацистской эры.

Янычары или Мамлюки могут являться тому более чем наилучшим историческим примером.

Гитлеровцы, правда, никогда бы такого нисколько не учинили со своей собственной нацией, а разве что максимум с чужими, для того наиболее действительно вполне уж исключительно так подходящими!

88

Подобного рода вещи вполне ведь доподлинно имели место с некоторыми нордическими народами Северной Европы.

А впрочем, нацистский режим еще изначально был куда только менее ожесточен, нежели тот донельзя зловерный коммунистический строй, по крайней мере по отношению к своему собственному народу, и это не пустые слова, а самый доподлинный исторический факт.

Ну а любое широкое общественное действие неизбежно отображает самое однозначное осуществление некоей наивысшей диктаторской правды, даже и в более чем заурядных проявлениях каких-либо вообще вот общественных деяний.

Ну и как то вполне же однозначно и более чем, в принципе, естественно, великие мысли вождя – собственно, и есть тот единственно возможный способ мышления, способный сформулировать хоть какие-либо выводы в буквально-то любых серьезных проявлениях интеллекта.

И отчасти именно по этой наиболее важной причине он и канул в Лету, проиграв немислимо тяжкую битву за всякое свое дальнейшее политическое существование!

Ну а его не вполне до конца предостаточная ожесточенность супротив всего своего же народа более чем безукоризненно объясняется разве что только отсутствием «большого взрыва», подорвавшего все те прежние устои общества.

Нет, в нацистской Германии подобных вещей нисколько так вовсе совершенно ведь не происходило.

А разве что имело в ней место одно лишь столь значительно большее ужесточение всех тех и ранее существовавших наиболее отвратительных черт всего того еще стародавнего империалистического государства.

А кроме того, то было и столь неразрывно увязано еще вот и с кратковременностью существования нацизма, как и с несколько явно большей, нежели в России, внешней культурой немецкого народа.

Однако нисколько то никак не дело донельзя праздно приплетать к разговору мысли о хоть сколько-то в чем-то действительно лучших душевных качествах изуверски деятельных и донельзя бесноватых вождей Третьего рейха.

Ими было возвращено поколение солдат, вовсе ведь совершенно не знавших ни жалости, ни чувства сострадания.

Правда, они любили родину, были очень набожны, благочинны, со всеми были приветливы, да и вполне между тем ласковы к приезжим.

Однако вот вдали от родных мест все эти домашние немецкие качества явно уж довольно-таки заметно значительно выветривались, а наружу из наиболее потайных уголков разом выглядывала столь свойственная всем западным европейцам недюжинная ядовитая спесь.

Причем самым худшим образом она выражалась как раз же в полнейшем бесчеловечном пренебрежении к местному населению своих-то новых заморских или чужеземных колоний.

89

Нацисты в этом вопросе были людьми максимально продвинутыми, да только никак не успели они как следует развернуться и повсеместно показать себя во всей своей и впрямь до чего только неприглядной красе.

При этом все их злодеяния абсолютно вот достоверно наглядны, а потому и всецело известны всей той еще широкой общественности.

Зверства англичан в Африке и Индии, в том числе и по отношению к бурам (голландским переселенцам) – они куда менее во всем всецело так исключительно небезызвестны.

А между тем это именно англичане и создали наиболее первые во всем этом мире концлагеря.

Попросту все тут тогда во всей своей невообразимо хлопотной сути и впрямь вот сводилось именно как раз к тому, что гоняться за партизанами было делом довольно-таки утомительным, к тому же еще неизбежно чреватым засадами...

90

Ну а морить голодом чьи-то оставшиеся на фермах семьи... то ведь и было для британского льва занятием правильным, честным и, несомненно, исключительно уж объективно разумным.

Однако пример тот оказался совсем не в меру чрезвычайно заразительным и, более чем очевидно, весьма же безотрадно наглядным.

И главное все тут, как и всякая другая бездушная имперская подлость, всегда так более чем наглядно осуществлялось именно во имя одних лишь тех истинно наилучших идей, громогласно провозглашающих светлый путь, несомненно, ведущий всех нас в объятия вселенской любви, да и самого обворожительно восторженного гуманизма.

И сколь «праведной» заглавной целью всех тех до чего бездушно деятельно предпринимаемых мероприятий, как всегда уж, являлось самое несомненное насаждение благородного царства культуры, пусть даже и путем посильного истребления всего того как оно есть нелепейшего дикого варварства.

И если именно подобным образом и вели себя люди, и впрямь вполне же наглядно представлявшие из себя истинный свет и ум своего времени, то чего тогда вообще еще следовало ожидать от всех тех столь низменных людишек – самопровозглашенных всевластных диктаторов?

91

У них, знаете ли, в практически полном соответствии с их собственным пониманием всех тех безгранично различных исторических событий всегда ведь были одни лишь наиболее наилучшие и благие чаяния.

И это как раз-таки ради них они и стремились видоизменить весь этот мир, до чего только лицемерно при этом прикрывая всю несусветную необъятность всех своих имперских и донельзя скотских амбиций.

Однако ничего так сами по себе они буквально-то никогда нисколько не выдумывали.

Новоиспеченные диктаторские режимы столь многое до чего весьма благодушно переняли (от всех своих исторических предшественников), разве что лишь наскоро адаптировав все их суровые имперские принципы ко всем тем совершенно объективным реалиям всего своего века...

Всего-то лишь позу заняв несколько иную, поскольку к тому их явно, несомненно, обязывала сама уж как она есть весьма вот сомнительная легитимность всего их новоявленного правления.

92

И опять же, нет тьмы хоть сколько-то похуже той, что до чего многотрубно объявляет себя наивысшим светом добра, весьма вкрадчиво при этом обманывая всех тех до чего немислимо легковверных жителей добрейшей страны – фантазии...

Они, видите ли, так и хотят узреть, как светлые идеалы покидают пределы черным по белому напечатанных страниц и столь вот стремительно становятся самой уж естественной частью всей этой нашей новой общественной жизни.

А между тем для созидательных, а не липовых изменений в тех еще закоренело низменных глубинах человеческой натуры нужно было нечто куда исключительно большее, нежели простенькие благожелательные, да еще и бестрепетно и беспредельно прекраснодушные намерения.

Причем в особенности – коли были они именно так из сущего разряда тех, что столь уж запросто затем скороспело выдавались вождями толпы за самое необузданное желание всевластных и неукротимых масс.

Ну а вполне незыблемым постаментом им в этом деле явно ведь послужили именно те до чего бесславные воззрения всех тех глубокомысленно самовлюбленных утопистов.

Без них народ было бы никак нисколько не захомутать.

93

И это именно так, вооружившись донельзя бестелесной, идеологически воинственно абстрактной идеей, и можно было весь свой народ разом уж обратить в серую и совершенно обесмыслившуюся толпу.

Пусть даже в чем-то отныне и единую, да и невообразимо сурово грозную всей своей суровой беспощадностью, однако морально при этом более чем безнадежно бессильно вконец так чудовищно же ослепшую.

А все потому что сбившаяся в кучу людская масса вовсе ведь нередко отчаянно глупа и безнадежно безнравственна, а потому ей движут одни лишь более чем естественные звериные желания и мысли ее почти так всегда излишне просты и до чего всецело невзрачны.

Ну а чтобы действительно вполне надежно создать из серой толпы обывателей неких достойных личностей, нужно было не одно то весьма растянувшееся при этом на долгие тысячелетия буквально-то бесконечное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.